

РЕВОЛЮЦИЯ
ИЛИ
СОПРОТИВЛЕНИЕ?

REVOLUTION
OR RESISTANCE?

ВЫПУСК №6 АВГУСТ 2004

ГАЗЕТА НОВОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ "ЧТО ДЕЛАТЬ?"

ISSUE №6 AUGUST 2004

NEWSPAPER OF THE ENGAGED CREATIVE PLATFORM "WHAT IS TO BE DONE?"

ЧАРЛЬЗ ЭШЕ | CHARLES ESCHÉ /// БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ | BORIS KAGARLITSKY
ANDREAS SIEKMANN | АНДРЕАС СИКМАНН //// COLECTIVO SITUACIONES
ДАВИД РИФФ | DAVID RIFF // АЛЕН БАДЬЮ | ALAIN BADIOU /// АРТЕМ
МАГУН | ARTEM MAGUN //// АЛЕКСЕЙ ПЕНЗИН | ALEXEY PENZIN
АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ | ALEXANDER TARASOV /// ELIN WIKSTROEM
ЭЛИН ВИКСТРОМ // JOERGEN GASSILEWSKI | ЙОРГЕН ГАССИЛЕВСКИ
KRITIK UND PRAXIS // АЛЕКСАНДР СКИДАН | ALEXANDER SKIDAN
ЛАРС БАНГ ЛАРСЕН | LARS BANG LARSEN // ДЖОНАТАН ФЛЭТЛИ
JONATHAN FLATLEY /// ОЛЕГ АРОНСОН OLEG ARONSON / ОКСАНА
ТИМОФЕЕВА | ОХАНА TI MOFEEVA // COPENHAGEN FREE UNIVERSITY
НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ | NIKOLAY OLEYNIKOV

Charles Esche | Imagine resistance!

If the mind, while imagining non-existent things as present to it, is at the same time conscious that they do not really exist, this power of imagination must be set down to the efficacy of its nature, and not to a fault, especially if this faculty of imagination depend solely on its own nature—that is if this faculty of imagination be free.
Benedict de Spinoza, Ethics, Prop. 17

Before how to resist...before how to act...we must deal today with how to think? This journal rightly asks that old question (or is it a statement?), “What is to be Done?” but can we really answer it today? After all, we cannot take for granted the very things – trade unions, class solidarity, political possibility – that Lenin built his argument upon. Instead, what we may require of ourselves is to imagine the ‘non-existent things as present’ in the little space for the freedom of the imagination that is still available to us.

The default victory of capitalism, a tragedy waiting to happen for 30 years at least, threw class-consciousness to the wolves. Historical determinism and dialectical materialism happened in topsy-turvy fashion. The past became the future. Except we already knew, even before 1989, that the future we had imagined was already locked into the mass labour experience of factory work and trade union organisation, while the present looked a lot more like the unchecked exploitation of our own dreams of internationalism and non-alienated labour that we had long since relegated to a utopian never land of imaginary world revolution. In the here-and-now of global capital, solidarity melted into air and free intellectual labour came to be the paradigm of the new Empire of Flows and Control. Meanwhile, any steps towards real social equality and emancipation were apparently shown to ‘not really exist’ or to lead, as deterministically as Marxism ever was, to the Gulag and the secret state. Apparently (again it’s all about appearance), there weren’t many places left to turn (or to turn left) anymore, and the space for thinking, let alone acting politically, seemed (and seems) very narrow indeed. Rapidly, the most welcoming resting places for critical thought became those that offered the happiness of idly accepting the eager opportunities of the new capital, while always dreaming of the next big scale transformative ‘utopia’ to come – whiling away a few ultra-compromised hours in Utopia Station waiting for a train that never arrives, to put it in contemporary terms. It is a sad picture indeed - like an Edward Hopper bar full of lost, alienated revolutionaries.

So, what is left of resistance when there is no “organisation of professional revolutionaries” (VI Lenin, “What is to be Done?”, 1902) possible in a capitalist system that subsumes all social activity into itself? We’ve learnt, from Negri and others, that there is no outside, no externalities from which to gain purchase on a system that invades our own bodies. At the time of biopolitics and instant postmodern subsumption, where is resistant to be placed and when is it to be enacted?

As ever, the question is much easier to formulate than the answer – though let us understand the fact that for those who see the contradictions of capitalism in the wars it wages and the “third world” labour it employs, to have broad agreement that this is the question is an advance for emancipatory desire. The problem is that, however strongly desired, there is no existing political force or structure that could yet be imagined to articulate an answer. Or I cannot see one even on the horizon.

Surely this absence is not only a failure of the current political parties – isn’t it more likely to be a systemic crisis, a formal problem with the nature of representative politics that we call western democracy, rather than with the individuals who make up our present political field? And isn’t that connected to the shared understanding that there is no outside anymore from which to build resistance, or even discourse, in the old, “democratic” ways. Even more so when politics is organised almost exclusively in terms of nation states that are themselves thrown into crisis by the new Imperial system?

At the same time as western democracies seem incapable of renewing themselves, the big scale, one size fits all utopian revolutionary programme of the last century is clearly over. Perhaps it could only ever have been an academic exercise if it was to remain life affirming rather than life threatening. Because the experience of the last century tells us that from almost the second day of the revolution, the forces of ‘revolutionary conservatism’ take hold - the achievements of the first day have to be defended and further steps become challenges to the revolution itself. The revolutionary council dedicates itself to defending the gains of the revolution per se, without stopping to ask what those gains really represent. Hollowed proclamations replace real discourse

*You say you want a revolution
Well you know
we all want to change the world...*
Ты сопротивляешься всю свою жизнь. Часто тебя мучат сомнения, что твое сопротивление – это одна из форм сотрудничества с властью имущими. Вопрос: чего ты добиваешься своим сопротивлением - приведет ли оно к революции, или же к вялым, постоянно нейтрализованным системой реформам? Хочешь революцию, да или нет? Этот вопрос звучит, как грубый шантаж, от которого не спрятаться. Кто хочет пусть носит свой траур, все равно революция будет приближаться, пока мы еще способны её мыслить и чувствовать.

*You tell me that it's evolution
Well you know...*
Ты продолжаешь рыть свои убежища, надеясь, что они когда-нибудь станут траншеями, не замечая, что есть большой шанс, что тебя в них просто не заметят, так как линия фронта уже давно проходит совсем в другом месте – там, где уже не осталось возможностей для комфортного существования внутри системы. И ты понимаешь, что необходимо искать выход – открыться новому опыту, новым чувствам, риску и радости – всему тому, что еще не существует, но постоянно открывается как возможность утверждения другой реальности

and attempts at progressive reform become counter-revolutionary threats to be silenced. Just as current capitalism, there is no outside after revolution from which to build intelligent resistance. Politics under whichever system becomes impossible, and contemporary pleas for utopia, in the art world as elsewhere, are little more than conscious-easing platitudes for Empire affirming strategies.

Instead of looking at the political realm, for me and I think for others, some of the best responses to the “concrete analysis of concrete conditions” (to quote Lenin again) have been from certain artists. There are those who have played with a creative, collective nostalgia (eg Manfred Pernice, Mladen Stilinovic, Yiso Bahc a.o.), those who have exploited the palpable gaps between different parts of the planet to suggest “our” way is not the only way (eg Marjetica Potrc, Superflex, Chen Zhen a.o.), those who have invested in the difference only a deep local engagement can reveal (e.g. Dan Peterman, Oda Projesi, Maria Eichhorn a.o.) and others who provide a crucial imaginative spy hole through which to view ourselves, our human society and its values (eg Isa Genzken, Paul McCarthy, Pavel Althamer a.o.) They tell us how material(ism) – its systems, architecture, mindsets, communities - are put together and in analysing this material make it possible for us all to imagine it otherwise.

Yet, inevitably, these artists, and others that could be added, only provide a part of the answer to that question about the time, place and nature of resistance. As artists who produce artworks they necessarily keep themselves clear of manifestoes, homilies or instructions. It is their ambiguity, and the consequent responsibility on the viewer to sort out what it might mean, that make their work function at all as art. What they tell us in the end is the horrible, depressing, unconscionable truth is that it is we (the collective of individuals, the multitude, the intellectual, immaterial labourers) who must try to shape the new forms of resistance or even ask the question “why?” Art itself cannot, current politics cannot, there is no Leninist vanguard of professionals to turn to anymore, because we are all on the inside and have to turn up the heat on ourselves as much as on our enemies. To do this we have one imperious, uncontrollable tool – our imagination of “non-existent things”. We have to imagine our own resistances through the one product of humanity that privileges imagination – art. Art (of a certain kind) becomes the tool with which to imagine, and imagination becomes the tool to resist...or to picture a different state of the world and try to create it, which amounts to resistance at a time when the intellectual servants of Empire proclaim the end of history.

Alain Badiou says “*emancipatory politics always consists in making seem possible precisely that which, from within the situation, is declared to be impossible.*” ... (AB, Ethics: An essay on the understanding of evil, Verso, London, 2001) He is right, of course, but that impossibility that is made to seem possible can only come about through an act of free imagination and, as Spinoza teaches us, the truly free imagination is an act of deliberate self-deception. So, imagination, which is the thing upon which art has the greatest purchase, is finally delusional. To imagine resistance, which is what we now require, is to deceive ourselves knowingly - to deny our knowledge of the totality of the imperial system in favour of the benefits of imaginative freedom. And the greatest benefit of all is that in that delusion, resistance again becomes possible and we can, in classic Matrix vein, fight the monsters even when they are inside our heads. Only art can do this today, it seems to me, because only art has the permission to imagine without ridicule. For all Spinoza’s materialist doubts, imagination is a real power. If we modify Spinoza’s opening words with a few of Negri’s from 1997, we start to sketch out how that power may be realized.

“...in all probability, the virtual is now more powerful than the actual, and the conceptual possible more real than the real. The brain has surpassed the world and, in the antagonistic fashion, is making of it another. One world, one time” (Antonio Negri, *Time for Revolution*, Continuum, London, 2003)

The challenge, issued equally to artists as constructors and viewers as reconstructors, is to choose to imagine resistance, to seek to depict it and to make use of those images in our lives - in our intimate, specific, personal and public behaviours and choices. The “one world, one time” that Negri mentions could be (my reading) the site and moment for that kind of necessarily delusional resistance on the small scale. The politics in the mass media and in the current democratic forums won’t help us get there. Probably they will be needed some day, if only to announce their abolition, but not now. It is the power of the imagination and art’s unique purchase on how it may operate in each one of us that can do it. Imagine resistance and watch what happens.

*But when you talk about destruction
Don't you know you can count me out...*
Разве революция – это взрыв насилия и горы трупов, как нам пытаются внушить? В конце концов, сопротивление бесполезно – революция невозможна – если ты не способен вообразить и представить мир без капитализма. Капитализм, по определению, несет в себе своё отрицание. Это значит, что мы всегда имеем возможность найти ситуации, чтобы уже сейчас пережить опыт, идущий вразрез с тем, что нам навязано как неизбежность, и каждый раз стремиться революционизировать их. В конце концов, вопрос всегда в том, на чьей ты стороне.

*You tell me it's the institution
Well you know
You better free your mind instead...*
Революция невозможна, если она не суммирует все линии сопротивления, нарушающие и изменяющие порядок. И в каждый исторический момент каждый способен найти свое место, свой личный фокус противостояния и борьбы и никто это не сделает за нас. Да, это требует усилия, да это приводит к риску, но только это дает тебе радость полноценной жизни. Итак: сопротивление и революция!

рабочая группа “Что делать?”

You say you want a revolution

Well you know

we all want to change the world...

You've been resisting for all of your life. But often, you are beset by doubt: maybe your resistance been a nothing but a form of collaborating with the Powers that Be? What have you been trying to achieve with all of your resistance? Will it lead to revolution, or just yet another set of lukewarm reforms, to getting stuck in the spiderweb of tactically accepted compromises? Do you want a revolution? Yes or no? This question is as crude as blackmail from which it is impossible to hide. But mourn as you may. The revolution is coming, as long as we are still capable of thinking and feeling it.

You tell me that it's evolution

Well you know

we all want to change the world...

You continue to dig your foxhole, hoping that one day it will turn into a trench, without ever realizing that they might never actually notice you, that the line of battle might have already moved to a place where it is impossible to live within the system in any kind of comfort. And you understand that it is necessary to find an exit, opening yourself up to new experiences, feelings, risks and joys, to everything that doesn't yet exist but continually reveals itself as the possibility for affirming another reality.

But when you talk about destruction

Don't you know you can count me out...

Is revolution no more than a flash of violence and a pile of bodies, as some would have us believe? In the end, resistance is useless – revolution impossible – if you are incapable of imagining the world without capitalism. Capitalism, by definition, is pregnant with its own contradiction. This means that we can always find places for experiencing the total negation of what they claim is inevitable by revolutionizing the situation at hand. So whose side are you on?

You tell me it's the institution

Well you know

You better free your mind instead...

Revolution would be impossible if it did not sum up all lines of past resistance, lines of flight, truth procedures, events that interrupted and changed the order of things. Each historical moment produces new ways of focusing resistance in the cross-hairs of struggle, no matter broken these communicative lines may seem. It's up to you to decide.

workgroup “What is to be done?”

Ч а р л ь з   Э ш е | В о о б р а з и   с о п р о т и в л е н и е !

Ведь если бы душа, воображая несуществующие вещи находящимися налицо, вместе с тем знала, что эти вещи на самом деле не существуют, то такую силу воображения она считала бы, конечно, совершенством своей природы, а не недостатком; в особенности если бы такая способность воображения зависела от одной только ее природы, т.е. была бы свободной.

Спиноза, Этика, Часть 2, Теорема 17.

Прежде чем решить, как сопротивляться, как действовать, мы должны прежде всего определиться с тем, как нам мыслить. Газета “Что делать?” верно ставит этот старый вопрос о том, что должно быть сделано. Но можем ли мы ответить на него сегодня? В конце концов, сейчас мы уже не можем считать чем-то само собой разумеющимся ни профсоюзы, ни классовую солидарность, ни самую возможность политики – все то, на чем строил Ленин свою аргументацию. Вместо этого мы можем потребовать от себя “вообразить несуществующие вещи как наличествующие” – в том ограниченном пространстве, оставшемся для свободы воображения, которое все еще является нам доступным.

Победа (“по умолчанию”) капитализма – это трагедия, которую все ожидали, по крайней мере, уже в течение 30 лет, и она отбросила классовое сознание к пещерному состоянию. Историческая предопределенность и диалектический материализм сработали перевернутым способом. Прошлое стало будущим. Как мы знали еще даже до 1989 года, будущее, которое мы вообразили, было уже заблокировано массовым опытом труда на фабриках и профсоюзными организациями, в то время как настоящее выглядело как неконтролируемая эксплуатация наших собственных мечтаний об интернационализме и неотчужденном труде, которым мы уже давно отвели место в утопических пространствах воображаемой мировой революции. В здесь-и-теперь глобального капитала солидарность растаяла в воздухе, а свободный интеллектуальный труд стал парадигмой новой Империи движения и контроля.

Между тем, любые шаги по направлению к истинному социальному равенству и освобождению выявили свою “неподлинность” либо привели, на детерминистский манер, какой не снился и марксизму, к образованию Гулага и полицейского государства. По-видимому, (и вновь видимости!) уже оставалось не так много “левых” мест, куда можно было свернуть (или стать левым), а возможность мыслить, не говоря уже о политическом поведении, казалась, и до сих пор кажется, весьма ограниченной. Довольно быстро остававшиеся зоны, больше всего располагавшие к критической мысли, стали зонами, предоставившими возможность радостно принять многообещающие посулы нового капитала, в то же время лелея мечту о том, что вот-вот осуществится следующая крупномасштабная утопия – наступив на горло собственной песни и часами простаивая на «Станции Утопия» в ожидании поезда, который никогда не придет (выражаясь современным языком). Это и впрямь удручающая картина, напоминающая бар Эдварда Хоппера, в котором полно потерянных, отчужденных революционеров

Итак, что же остается от сопротивления, когда никакая “организация профессиональных революционеров” (Ленин, “Что делать?”, 1902) невозможна в капиталистической системе, растворяющей в себе любую социальную активность? Мы узнали от Негри и других, что не существует внешнего, не существует внешней позиции, исходя из которой можно обрести преимущество над системой, которая вторгается в наши собственные тела. В эпоху биополитики и мгновенного постмодернистского растворения, где остается место для сопротивления?

Как всегда, вопрос гораздо проще сформулировать, нежели на него ответить. И тем не менее давайте попытаемся понять тот факт, что все те, кто видят противоречия капитализма в войнах, которые тот ведет, и в труде “стран третьего мира”,

которые тот эксплуатирует, в принципе согласны, что одновременно это и вопрос о желании освобождения. Проблема заключается в том, что как бы сильно мы ни желали, не существует политической силы или структуры, которую еще можно было бы вообразить в качестве внятной отвечающей на какие-либо вопросы. Я по крайней мере не вижу таковой даже на горизонте.

Безусловно, это отсутствие – не только провал имеющихся политических партий, это скорее кризис системы, формальная проблема, природа которой имеет отношение к представительской политике, которую мы можем назвать западной демократией, нежели проблема отдельных лиц, формирующих наше современное политическое поле. И разве это не связано с разделяемыми всеми пониманием, что больше не существует внешнего, из которого можно выстраивать сопротивление или даже дискурс – на старый “демократический” лад? Тем более, когда политика строится почти исключительно в рамках национальных государств, которые сами ввергнуты в кризис империалистической системой?

В то же время, по мере того, как западные демократии все более выглядят неспособными к собственному обновлению, крупномасштабный проект, сопоставимый с революционной программой прошлого века, явно себя исчерпал. Возможно, он мог бы быть всего лишь академическим упражнением, если бы предназначался для того, чтобы оставаться жизнеутверждающим, а не угрожающим жизни. Потому что опыт прошлого века говорит нам, что практически со второго дня революции вверх берут силы “революционного консерватизма” – необходимо защищать завоевания первого дня, а дальнейшие шаги становятся вызовом самой революции. Революционный совет приказывает себе защищать завоевания революции, даже не спрашивая себя, что они собой на самом деле представляют. Пустые, ничего не значащие прокламации приходят на смену истинному дискурсу, а попытки прогрессивных реформ становятся контрреволюционными угрозами, которые необходимо заставить замолчать. Как и в современном капитализме, не существует внешнего, из которого можно выстраивать продуманное сопротивление. Политика, в какой бы системе она не проводилась, становится бессильной, а современные призывы к утопии – в мире искусства, как и в любом другом – являются не более чем самоуспокоительной пошлостью, играющей на руку Империи.

Лично я и, как мне кажется, другие получили ответы на “конкретный анализ конкретных условий” (вновь Ленин) не из политической области, а от некоторых художников. Тех, кто работал с творческой, коллективной ностальгией (Manfred Pernice, Mladen Stilinovic, Yiso Bahc и др.), кто использовал очевидные различия между различными частями планеты, чтобы сказать, что “наш” путь не единственный (к примеру: Marjetica Potrc, Superflex, Chen Zhen), тех, кто отдали свои силы исследованию различий, раскрыть которые может только глубокая вовлеченность в местный контекст, тех, кто дает нам посмотреть в воображаемую замочную скважину, через которую мы можем увидеть себя, наше человеческое общество и его ценности (Dan Peterman, Oda Projesi, Maria Eichhorn и др.). Они рассказывают нам, как материал(изм) – его системы, архитектура, мировоззрения, сообщества – соединяются вместе, и, анализируя этот материал, позволяют всем нам вообразить его в ином состоянии.

Тем не менее, эти и другие художники неизбежно дают нам только часть ответа на вопрос о времени, месте и природе сопереживания. Будучи художниками, создающими произведения искусства, они с необходимостью воздерживаются от каких бы то ни было манифестов, проповедей и указаний. В этом кроется их двусмысленность и вытекающая из нее ответственность, которая перекладывается на зрителя, который должен разобратся в том, что делает эти произведения вообще искусством. То, что они говорят нам, в конечном счете представляет

собой ужасную, угнетающую, возмутительную правду, состоящую в том, что именно мы (коллектив индивидов, множество, работники интеллектуального, нематериального труда) должны попробовать создать новые формы сопротивления или даже задаться вопросом “почему?”. Искусство само по себе не может этого сделать, имеющая политика – тоже, больше нет ленинского авангарда профессионалов, у которых можно было бы позаимствовать опыт, потому что мы все находимся внутри и должны разжечь пламя в себе, также как и в наших врагах. Для того, чтобы сделать это, у нас есть наш властный неконтролируемый инструмент – наша способность воображать “несуществующие вещи”. Мы должны вообразить наше собственное сопротивление через единственный продукт человеческой деятельности, который возводит воображение в статус привилегированного – искусство. Искусство (определенного рода) становится инструментом, с помощью которого мы можем воображать, а воображение становится инструментом – дабы сопротивляться... или нарисовать другое состояние мира и попытаться создать его, что равнозначно сопротивлению в едином порыве в тот самый момент, когда интеллектуальные прислужники Империи провозглашают конец истории.

Ален Бадью говорит: “Освободительная политика всегда состоит в том, чтобы показывать возможным то, что, изнутри данной ситуации, объявлено невозможным” (“Этика: о понимании зла”, 2001). Он конечно прав, но эта невозможность, которая показывается как возможная, может осуществиться только через акт свободного воображения, а как нас учит Спиноза, истинно свободное воображение - это акт осознанного самообмана. Таким образом, воображение, - которое является привилегированной зоной искусства, в конечном счете иллюзорно. Вообразить сопротивление, а это то, что нам сейчас жизненно необходимо, означает осознанно обмануть самих себя, т.е. отречься от знания о тотальности империалистической системы в пользу свободы воображения. А самая великая польза заключается в том, что в этой иллюзии, сопротивление вновь становится возможным, и мы можем, в стиле «Матрицы», сражаться с монстрами в наших головах. На мой взгляд, только искусство может сегодня справиться с этой задачей, поскольку только у искусства есть право воображать всерьез. Несмотря на все материалистические сомнения Спинозы, воображение – настоящая сила. Если мы изменим слова Спинозы, добавив в них несколько слов Негри из 1997, то мы начнем приблизительно понимать, каким образом эту силу можно осмыслить:

“По всей вероятности, виртуальное сегодня мощнее, чем действительно существующее, а концептуальное более мощно, чем реальное. Мозг превзошел мир и, антагонистически, делает из него другой. Один мир, одно время” (Антонио Негри, “Время Революции”, 2003). Задача, которая ставится как перед художниками, в качестве тех, кто создает, так и перед публикой, в качестве той, что воссоздает, заключается в том, чтобы сделать выбор в пользу воображения сопротивления. Необходимо попытаться описать его и использовать его образы в нашей жизни, в нашем интимном, профессиональном и личном поведении и выборе. “Один мир, одно время” Негри могло бы быть (мое прочтение) местом и моментом для непременно иллюзорного сопротивления малого масштаба. Политика в средствах массовой информации и на демократических форумах не поможет нам достичь этого. Возможно, когда-нибудь они понадобятся, но только для того, чтобы заявить об их упразднении, но не сейчас. Только сила воображения и уникальная привилегия искусства помогут нам в этом. Вообразите сопротивление – а там посмотрим, что произойдет.

Борис Кагарлицкий

Мой друг Гейдар Джемаль выступая однажды перед форумом левых активистов заявил, что ислам был знаменем под которым угнетенные массы на протяжении полутора тысяч лет сопротивлялись тирании. Что, кстати, можно отнести и к любой другой народной религии. Неожиданно из зала прозвучала реплика: “Все это хорошо, но пора бы, наконец, перестать сопротивляться тирании, и просто уничтожить ее”.

В последние годы слово “сопротивление” стало модным в кругах антиглобалистов и левых. Мало какое слово повторяется так часто на митингах, в дискуссиях и в декларациях, мало какое слово несет такой положительный эмоциональный заряд. Сопротивление – это стойкость, верность своим принципам, готовность бороться наперекор всему, невзирая на неравенство сил и очевидную для обывателя обреченность борьбы. Логика сопротивления – экзистенциальна. Я не рассчитываю шансы. Я просто стою на своем. Даже если я не могу победить, даже если я знаю, что обречен на поражение, я все равно должен дать бой, ибо всякое иное поведение – предательство. Не только по отношению к своему делу, но и по отношению к самому себе.

Именно так мы боролись против наступающей реакции на протяжении 1990-х годов. Тактические соображения отсупали на второй план. Те, кто оценивали шансы на успех, быстро отказались от борьбы пополнив ряды перебежчиков, рассуждающих о бесперспективности марксизма и самоочевидной эффективности свободного рынка. Другие стали поклонниками Тони Гидденса, соратниками и Тони Блэйра немецкими “красно-зелеными” министрами и “социально озабоченными” депутатами от “Единой России”, которые каждый законопроект, направленный на огрнаничение прав трудящихся сопровождают извержением “прогрессистской” риторики. Нигде не найдешь столько бывших революционеров, как среди этих господ. Они бы с удовольствием низвергали капитализм, но по здравому размышлению, обнаружив, что революция – дело отдаленного будущего, а жизнь коротка, и карьере надо делать быстро, предпочли пойти в услужение разоблаченному им злу. При этом – ни на минуту не переставая гордиться своим революционным прошлым, и при каждом удобном случае пытаясь извлечь из него моральную или материальную выгоду.

Презрение к этим господам увеличивает решимость сопротивления. Не хочешь стать таким как они – борись, сохраняй верность принципам, отвергай мелочные расчеты и сомнительные тактические выгоды.

И все же, в логике сопротивления есть своя моральная двусмысленность, которая становится очевидной тем более, чем эффективнее мы сопротивляемся.

Дело в том, что капитализм вполне может пережить сопротивление себе. Чего он не может пережить, так это революцию, которая его уничтожает. Революции могут быть неудачными, более того, подавляющее большинство революционных попыток именно таковыми и оказываются. Но, как говорил перед смертью Жан-Поль Сартар, от неудачи к неудачи идет вперед прогресс человечества. Если бы не было этих неудачных попыток, мы, наверное все еще жили при феодализме. Незавершенные и даже потерпевшие трагическое поражение революции все равно значат для истории больше, чем целые десятилетия “спокойного” развития, ибо мир, переживший подобное социальное потрясение, уже не может быть прежним. Вернемся, однако, к идеологии сопротивления. Не случайно слово это было произнесено генералом де Голлем в самом начале Второй мировой войны, когда мощь нацистской Германии казалась непреодолимой, а дело свободной Франции безнадежно проигранным. Страна была оккупирована, армия разгромлена, значительная часть элиты предала республику или бросила ее на произвол судьбы. Естественно в таких условиях было поднять знамя сопротивления. Другое дело, что после Сталинграда взгляд на борьбу радикальным образом менялся. Надо было уже не просто выстоять, но и победить. Победа, благодаря стойкости и самопожертвованию первых лет войны, стала реально достижимой, но для того, чтобы приблизить ее, надо было действовать уже по-другому. Нужна была тактика, стратегия, координация. Нужна была эффективность и организация, которые совершенно не обязательно требовались для каждого акта сопротивления, ибо подобные акты носили в первую очередь моральный характер.

После массовых демонстраций 1999 года в Сиятле, когда Всемирная торговая организация вынуждена была отложить очередной раунд глобальных переговоров об очередной волне неолиберальных реформ, идеолог антиглобалистского движения Уолден Белло заявил, что это был наш Сталинград. К сожалению, Уолден ошибался. Сиятл можно сравнить скорее с битвой

за Москву, в которой обороняющиеся показали, что могут побеждать, но до победы над нацизмом было еще очень далеко. Решающий перелом в борьбе против неолиберального капитализма еще не наступил. Но возникла новая ситуация, когда одной лишь решимости и твердости недостаточно. Надо учиться побеждать.

Это значит – важны становятся тактика и организация. Нужны позитивные программы и политически эффективные методы деятельности. Возможны компромиссы, приобретающие стратегическую и моральную осмысленность: ведь они позволяют приблизиться к целям борьбы, которые становятся совершенно конкретными и реальными.

Сопротивляясь мы достигаем своеобразного морального комфорта. Тем более, что речь идет все же не об условиях гитлеровской Германии, где за участие в левой тусовке отправляли в концлагерь. Разумеется, есть принципиальная разница, между теми, кто проповедует свои идеи с западноевропейской кафедры, и теми, кто сопротивляется власти транснациональных корпораций где-нибудь в Нигерии или Индии, ежедневно рискуя здоровьем и даже жизнью. Однако больше всего об идеалах сопротивления говорят именно те, кто меньше всего рискует их отстаивая.

Дело, разумеется, не только в репрессиях. Моральные риски не менее, а в конечном счете, даже более значимы. Можно жить, по выражению великого русского писателя Салтыкова-Щедрина, “применительно к подлости”. Можно просто говорить “нет” системе, и удовлетвориться этим. В последнем случае мы избегаем множества сложных и морально неоднозначных вопросов. Ведь практическая деятельность, направленная на решение конкретных задач, заставляет нас постоянно принимать решения. Эти решения оказываются спорными, они могут быть ошибочными. Они ставят моральные вопросы, на которые у нас нет готовых ответов. С кем можно сотрудничать, а с кем нет? Где границы допустимого компромисса? У кого можно принять денежные пожертвования и на каких условиях? Как обеспечить единство и эффективность организации, сохраняя при этом в ней демократическую жизнь? Как использовать разногласия между нашими врагами на пользу нашему делу? Как бороться за власть, одновременно сознавая, что власть развращает? Вопреки знаменитому афоризму Черчилля, кстати, малая толика власти, развращает даже больше, чем власть полученная во всей ее полноте.

Короче, как победить дракона и не стать самому похожим на дракона?

На подобные вопросы нет общепотребительных теоретических ответов. Отвечать на них можно только практическим действием, совершая поступки, осознавая связанные с ними моральные и политические риски, критически оценивая собственные ошибки. Единственная гарантия в том, что действуют не отдельные люди, а массы. Одиночки, даже героические, даже мудрые и вооруженные самой передовой теорией, то и дело ошибаются. Массы тоже нередко впадают в заблуждения. Им свойственно поддаваться иллюзиям, загораться энтузиазмом, а порой и впадать в депрессию. Именно депрессия масс после поражений 1980-х годов подтекстовывала ощущение глобальной безнадежности в 1990-е годы. Но критически мыслящие интеллектуалы для того и нужны, чтобы увидеть перспективы и опасности, не замеченные массами. А массовое движение, если оно способно развиваться и учиться, может и должно поставить под контроль “своих” интеллектуалов и политиков. Далеко не всегда люди способны учиться на своих ошибках. Но ошибки одних могут быть исправлены другими.

Легко понять, что в эпоху сопротивления модны были анархические идеи. В конце концов, зачем нужна политика, если все равно на этом поле ничего не достичь? Закономерно, что появляются книги, призывающие изменить мир, не пытаясь взять власть. Как в басне Эзопа, виноград зелен: взять власть нам все невозможно.

Но изменить мир, не пытаясь взять власть невозможно. Если бы это было возможно в принципе, история не знала бы ни революций, ни политической борьбы. Ибо те, кто правит миром, сохраняя власть, не только не позволят преобразовать систему, но даже не пойдут ни на какие уступки, пока не почувствуют угрозу собственной власти. Оппозиции далеко не всегда удастся взять власть, но она становится эффективной только тогда, когда правящий класс начинает понимать, что угроза потери власти совершенно реальна.

Надо признать, что большинство людей в любом обществе – далеко не революционеры. И это относится марксовым пролетариям точно так же как и к любому другому классу в истории. Но это отнюдь не значит, что “обычный человек” по природе своей консерватор. Скорее – он стихийный реформист. Чем более трудящиеся осознают свои классовые интересы, тем более они враждебны системе. Другое дело, что эта враждебность –пассивная. Готовность действовать возникает тогда, когда появляется конкретная перспектива успеха. Сопротивление – удел одиночек. Когда оно становится массовым, это уже восстание, это уже первый шаг к революции.

Andreas Siekmann

Resistance or revolution: At first glance, this general pair of terms produces a stigma. It implies confessional positioning. Such “big” words often lead to the kind of non-committal statements that appear on the opinion market of the feuilleton. This is something I don’t want to take part in.

Resistance is the politics of baby steps: being on location concretely, getting up again and again, forming continuities and competences, clamping down your teeth with no intention of letting go – yet tending to lose yourself in details, becoming reformist, making yourself comfortable in your little niche. In contrast, revolution is the grand gesture, the distant goal, the actual, whose details you can easily ignore. There is, however, also a great danger of losing the ground beneath your feet and finding yourself face down on the carpet of the salon.

Revolution doesn’t happen without resistance. But you can resist without ever wanting a revolution to overthrow the state whose structures you might never want to take over. Capitalism uses many forms of resistance. It attempts to utilize all forms of rolling over, freeing and disbanding social relations at, in order to then exploit the subjectivity released. Its Public Relations

departments keeps quiet about all of the endangerments, hushing up the exploitation of subjects and resources and the many exclusions that take place in the process.

“Resistance or revolution” does not result in any compelling or closed connection. The little word ‘or’ suggests a decision, which has probably been discussed in entire shelve-rows of library-books, all denouncing one another as historical, outdated or reformist, continuing to write themselves automatically through their endless disputes.

As far as I am concerned, I feel far closer to an anarchist tradition. For me, deconstructing work, nation and state as well as the conditions of obedience that they create is the pre-requisite for emancipatory politics.

This is why I would rather tell you about a little episode that took place recently, instead of butting in on the argument between resistance or revolution.

At a party in early summer, late at night, after singing a bunch of Oldies, someone started up the International. Whoever was singing insisted that the others join in. Tiredly, gradually clearing their throats, they dragged through the song. Some people observed whoever else was singing closely, as though trying to reassure themselves that they weren’t alone in doing something that they found slightly embarrassing themselves, a mixture of lip service

and not-being-able-to-deny-one’s-generation. For others, it was like leaving a movie that had stopped or that had seemingly never started playing in the first place. But there was also immediately quite a bit of headshaking, aggravated mumbling and hand-waves of refusal (Abwinken), as if to say, “This can’t possibly be true, where the hell am I, anyway?” There were also attempts at escape, such as getting another beer, going to the toilet, or simply staring into space neutrally, as if one were concentrating on something or another intently. There were attentive, frozen, desperate smiles...

I can’t even write down all of the gestures and reactions. And then came the comments: what the hell is this, this is kitsch, nostalgia, who cares about this anyway. A fading echo of percussion on various objects paid testimony to a declaration of loyalty that evaporated as quickly as yet another change of subject. This embarrassing atmosphere led to a negotiation of whether or not the song had more verses or not. This had the effect of splitting the party into several groups. There were the believers, the experts, the sticks-in-the-mud, and those who displayed their loyalty, if nothing else, to history and its hopes and terrors. And then came the next song...

Boris Kagarlitsky

Speaking to a forum of left-wing activists, my friend Gaidar Dzhemal said that Islam was the banner under which the oppressed masses have resisted tyranny for over one and one half thousand years. You could say this, by the way, of any of other popular religion. Unexpectedly, a comment shot out from the audience: “That’s all good and well, but don’t you think it’s time to destroy this tyranny, instead of simply resisting it?”

During recent years, the little word “resistance” has become fashionable among anti-globalists and left-wing activists. There are few words that are uttered with such frequency at meetings, during discussions and in declarations, few words that are charged with the same kind of positive energy. Resistance is fortitude and fidelity to one’s ideals. It entails the readiness to fight against anything, regardless of the asymmetry of power and the struggle’s obvious futility in the eyes of the man in the street. The logic of resistance is existential. I’m not going to figure out the odds. I’m just insisting on what I believe. Even if I can’t win, even if I know that I’m doomed to be defeated, I still need to do battle, since any other behavior would be treachery. I would not only be betraying the cause, but myself as well.

This is exactly how we fought against the reaction that came on throughout the 1990s. Tactical considerations played a secondary role at best. Those who calculated the odds for success soon gave up, filling the ranks of the turncoats that held forth on how Marxism had no perspective and how the free market was obviously far more effective. Others became admirers of Tony Giddens or associates of Tony Blair, German ministers of the “Red-Green” coalition, or “socially concerned” MPs of “United Russia” (=Putin’s party), who accompany each piece of legislation that further curtails the rights of the working population with an outburst of “proletarian” rhetoric. You can’t find any more former revolutionaries than among this distinguished ladies and gentlemen. They would be more than happy to overthrow capitalism. But having come to the common-sense conclusion that the revolution will not take place any time soon, that life is short and you don’t have forever to pursue a career, they prefer to serve the evils they once helped to denounce. At the same time, they never stop priding themselves on their revolutionary past, using it as a source for moral or material profit, should the suitable occasion arise.

Contempt for these distinguished ladies and gentlemen heightens the decisiveness of resistance. You don’t want to become one of them? Then fight, stay true to your principles, fend off all of the petty concerns with odds, all of the questionable tactical benefits.

But still, the logic of resistance is full of ambiguities, which become more and more apparent, the more effectively we resist. The thing is that capitalism is quite capable of surviving resistance. What it cannot survive is revolution, which destroys capitalism for good. Revolutions can fail; in fact, most attempts at revolution usually do. But, as Jean Paul Sartre said before he died, humanity’s progress can be seen as a succession of failures. If these unsuccessful attempts hadn’t taken place, we would probably still be living under feudalism. The incompleteness or even the tragic defeat of the revolution mean more to history than entire

decades of “quiet” development. After experiencing such a social shock, the world will never be same.

But still, let’s return to the ideology of resistance. It’s no coincidence that this word was first uttered by General de Gaulle in the very beginning of World War Two, when the might of Nazi Germany seemed insurmountable, and the cause of Free France had already been irrevocably lost. The country was occupied, the army disbanded. A sizeable portion of the elite had betrayed the republic, leaving it to the fate’s arbitrations. It was completely natural to raise high the banner of resistance under such circumstances. But the purpose wasn’t just to stand steadfast, but to emerge victorious. Thanks to the fortitude and self-sacrifice of the early years of the war, victory became something real that could be reached, but in order to come closer to winning, it became necessary to take action in a different way. Tactics, strategies, and coordination were in high demand. What was need were effectivity and organization. In and of itself, the act of resistance is not necessarily organized; instead, it is – above all else - a response to moral pressure.

After the mass demonstrations of Seattle in 1999, when the Word Trade Organization was forced to break off and postpone yet another round of talks on yet another wave of neoliberal reforms, one of the ideologues of the anti-globalist movement, Walden Bellow, announced that this was “our” Stalingrad. Sadly, Walden was wrong. Instead, one could compare Seattle to the battle for Moscow, in which its defenders showed that they were capable of victory, even if the final defeat of Nazism still seemed to lie in the distant future. We have not yet reached the decisive breaking-point in the battle against capitalism. But we are facing a new situation, in which fortitude and constance alone are no longer enough. We need to learn to win. This means that tactics and organization have become more important. We need more positive programs and politically effective methods of activity. Compromises are possible, if they make moral and strategic sense, because they allow us to come closer to attaining our goals, which, in this way, become far more concrete.

By resisting, we attain a certain kind of moral comfort, all the more because we aren’t talking about the conditions of Germany under Hitler, where hanging around with the leftist scene could land you in a concentration camp. There is, of course, a fundamental difference between those who proclaim their ideas from a Western Europe podium, and those who are resisting the power of the transnational corporations somewhere in Nigeria or India, risking their health and even their lives on a daily basis. Usually, those who talk most about the ideals of resistance are usually those who risk the least in defending them.

Of course, this isn’t just about repression. In the final analysis, moral risks are not worth less, but probably even mean more. You can live “in conformity with ignobility”, as the Russian writer of the 19th century Saltykov-Shedrin said. You can also simply say “no” to the system and leave it at that. In the latter case, you will be avoiding a panoply of complex and morally ambiguous questions. After all, practical work – oriented at solving concrete problems – continually forces you to make decisions. These decisions are questionable, since they can be mistakes. They raise moral questions that cannot be answered with ready-made

responses. Who can you work together with? With whom is cooperation impossible? Where are the boundaries of compromise? From whom can you receive financial support? Under which conditions? How can you guarantee unity and effective organization while preserving democratic life within its bounds? How can we use the disagreements among our enemies to our own benefit? How can we fight to gain power, knowing full well that power corrupts? Contrary to the well-known aphorism from British politics, a little bit of power corrupts even more than when power is taken over in full measure, absolutely.

In short, how do we defeat the dragon without becoming similar to dragons ourselves?

There are no general theoretical answers to such questions. They can only be answered through practical action, by acting and remaining aware of the moral and political risks involved, evaluating each mistake critically. The only guarantee consists in the fact that not only individuals but masses act collectively. Sure, loners, even heroes, armed with the wisdom of the most progressive theories, will be wrong. And the masses often also wander astray. They tend to fall prey to illusions, burning up with enthusiasm, but then falling into deep depression. The defeats of the 1980s led to such a mass depression, which remained as a subtext through the hopelessness of the 1990s. But this is actually why we need intellectual who are capable of critical thinking: it is they who can see the perspectives and dangers that the mass cannot recognize. But mass-movements, if they are capable of developing and learning, can and should control “its” intellectuals and politician. However, people are hardly always able to learn from their mistakes. But one person’s mistakes can be corrected by the others.

It’s easy to understand why anarchist ideas were so fashionable during the epoch of resistance. In the end, why do we need politics, if we can’t reach anything on that field anyway? It follows that books calling for a change will appear with anyone ever trying to take power. The grapes are green, just as in Aesop’s fable: it is impossible to take power. But it is also impossible to change the world without attempting to come to power. If this were possible, the world would know neither revolution nor political struggle. Those who rule the world, holding on to power, do not only prohibit any transformation of the system, but even refuse to embark upon any compromises before feeling a real threat to their power-base. The opposition rarely succeeds in taking control of power, but it only becomes effective when the ruling class begins to understand that the danger of losing power is completely real.

One has to admit that the majority of people in any society are hardly revolutionaries. This is true for the Marxian proletariat as well as for any other historical class. But this does not mean that the “ordinary human being” is conservative by nature. Instead, he is a romantic reformist. The more the worker realizes his class interests, the more he becomes the system’s enemy. Yet this emnity is passive. The readiness to act arise when there are concrete perspectives of success. Loners are destined to resist. Once they have become a mass in uprising, they have already taken the first step toward revolution.

Андреас Сикманн

Сопrotивление или революция: на первый взгляд, это довольно общая пара терминов несет на себе позорное клеймо. Подобные выражения свидетельствуют об исповедально-откровенной позиции. Такие «большие» слова часто приводят к необязательным утверждениям, из тех, что появляются в газетных колонках и фельетонах. Это что-то, в чем я не хочу участвовать. Сопrotивление – это политика шагов ребенка: оставаться на месте, подниматься снова и снова, сформировывать знания и умения, сжимать зубы, не намереваясь идти дальше, теряя себя в деталях, становиться реформатором, находить комфорт в своей нише. Революция, напротив, это крупный жест, далекая цель, факт, детали которого можно легко игнорировать. Существует, однако, опасность потерять почву под ногами и обнаружить себя лежащим лицом вниз на ковре салона. Революция не происходит без сопротивления. Но можно сопротивляться даже не желая того, чтобы революция сбросила власть в государстве, структуры которого можно даже не хотеть захватывать. Капитализм, к примеру, использует многие формы сопротивления. Он пытается утилизировать все формы переворачивающихся с ног на голову, освобождающихся и переформирующихся социальных отношений, с тем чтобы эксплуатировать освобожденную субъективность. Его отдел PR умалчивает обо всех опасностях, не говорит об эксплуатации субъектов, ресурсов и о многих исключениях из правил. «Сопrotивление или революция» не находятся в очевидной или близкой связи. Союз «или» предполагает принятие решение, обсуждение которого уже, возможно, занимает целые книжные полки уставленные библиотечными книгами. Каждая из них обвиняет другую в излишнем историзме, каждая кричит, что ее соседка устарела или слишком привержена реформам. Эти книги продолжают писаться сами по себе на протяжении всех этих бесконечных споров. Насколько я понимаю, я нахожусь намного ближе к анархистской традиции. Для меня

деконструктивная работа, нация и государство, наряду с условиями подчинения, которые они создают – уже являются предпосылками для появления политики эмансипации. Именно поэтому, вместо того, чтобы вмешиваться в спор между сопротивлением и революцией, я бы предпочел рассказать Вам о маленьком эпизоде, происшедшем сравнительно недавно. Как-то ранним летом на вечеринке, уже по вечер, изрядно попев старые хиты, кто-то из компании вдруг начал петь Интернационал. Тот, кто пел, настаивал, чтобы другие ему подпевали. Уставшие, постепенно прочищая свой голос, все же дотянули песню до конца. Кто-то потом заметил, что любой, певший увлеченно, как будто пытался убедить себя в том, что он был не одинок, делая что-то, что он сам находил немного неловким - таким сочетанием неискреннего словоизлияния и невозможности отринуть свое поколение. Для других это было похоже на уход из кинотеатра, показ фильма в котором вдруг прекратился или не начинался совсем. Но также было много покачивания головами, раздраженного бормотания и размахивания руками, как-будто говоривших, «это не может быть правдой... где я нафиг?». Также были попытки убежать – например за пивом, выйти в туалет, или просто уставиться в пространство пустым взглядом, как-будто концентрируясь на чем-то или погружаясь в себя. Были внимательные, застывшие, отчаянные улыбки... Я даже не могу описать все реакции и жесты. Затем пошли комментарии: «что это?», «это китч», «ностальгия», «кого это волнует вообще». Затихающее эхо звучало как принесение присяги декларации лояльности, испарившейся, как только тема разговора была сменена. Эта неловкая атмосфера привела к разговорам о том, было ли у Интренационала большее число куплетов или нет. Все это разбило вечеринку на несколько групп. Были те, кто верил, были эксперты, были остальные консерваторы, были те, кто выставлял свою преданность (если не что-либо другое) истории, а также ее надеждам и ужасам. А затем началась другая песня...

Colectivo Situaciones | Between Crisis and Counterpower

This talk was one of the central contributions in the congress “Pläne vom Verlassen der Übersicht”, held in Hebbel-Theater in Berlin on 21-23.11.2003 as a part of the exArgentina project. It has been adapted for the newspaper format by David Riff. For complete German and Spanish versions of the text, see http://www.exargentina.org/txt/vdue/neg_de_01_widersprueche.html.

- Negation is a call for becoming. But becoming, as experience, becomes habitable territory. This creates power. The activity of this power disturbs and provokes reactions, which – in turn – are also negative.

- In other words, there are two forms of negativity. One of them operates by deconstructing as well as prohibiting all complete identities – we will call this **resistant negation** – while the other – **reactive negation** - is motivated by resentment. “Resistant negation” presses toward heterogeneity. Its resistance is an expression of work, language, pleasure, and creation. Its temporality is primary. “Reactive negation” is secondary; it charts reality through the centralizing hierarchies of power; it lays claim to the conservation and blocking of all possible becomings.

- The contemporary crises in Latin America are experiencing both forms of negativity. From the Zapatista uprising via the Argentine insurrection in December 2001 up to the rebellion in Bolivia, the population’s resistance operates as a deconstructive element, and at the same time, opens on various possibilities for the future.

- Power and counter-power relate to one another in asymmetrical polarities and failed encounters, in coexistence and confrontation. Relation-rich outer spaces that penetrate one another, robbing one another of territory, impure insertions behind enemy lines. While this space may seem fragmented, it is also full of pleasant paths or inner passages, tunnels, militarized boundaries and thresholds.

- The Latin American crises are the yawning and whining of reaction. Such crises terminate friendships in unpleasant encounters between those who understand each interruption of normalcy as a result of emergent subjectivity, and those who insist upon thinking the crisis as a systemic “dysfunction”. We are interested in the former group, because they have eyes to see themselves as creators and not only as victims of the situation at hand.

- Do we have languages, images, and cognitive processes to record, accompany, and unfold the power of resistance? Have the spaces of (resistance’s) counter-power allowed us to develop an inner perspective that can bring forth the subjectivities that anticipated the crisis? Can this subjectivity prevail and continue its movement? Can we find a means of projecting a new political radicalism, which has its roots in both the value of autonomous organization and thought, as well as in horizontal interdependence? Is there any clear idea of its social and political conflict? Is there any smooth solidarity between groups that only meet in punctual confrontations against repression? What awaits us, once we have inflicted gaping wounds on the body of capital, openings that invite us to undertake a journey into the unknown. We suspect that on this adventure, the institutionalized traditions, the thinking and the habits of the social and the political are no longer very important.

- The crises in Latin America may not be real political revolutions, but they are authentic revolts, revolutions in subjective forms of doing. A heterogeneity that weaves its material around problems like the self-administration of natural resources and knowledge with the prospect for a new material production of life, setting new accents in producing value. **In Argentina, the landscape has changed noticeably** through the actions of the unemployed movements (piqueteros), through the hundreds of factories, taken over and administrated by their workers, through the municipal assemblies that have redefined the very notion of public space, through solidarity-based economic networks, through experiences in health care, education, human rights, counter-information, through new art that is capable of offering a “dense description” of these new webs, through new aesthetics that are capable of presenting this experience beyond the stereotypes and confirmations of the (spectacular) figure of the spectator, and through a new language that renews its own meaning. This new language is no longer a mode of expression flooded by the mass-media, nor is it an incommensurably distant academe, nor does it function as political jargon, which views the word as yet another object of manipulation.

- In Latin America, negation (as resistance) invents new ways of moving across **a chess-board in ruins**. This fragmentary ground is crossed by subjective journeys and ethical wanderings that leave behind the image of the suffering victim. The crisis can be accepted, but not only in its destructive, disciplinary qualities: **the wasteland can also be a territory for chaining together productive energies and subjectivities through cooperation.**

- Back to our most secret doubts about resistant negation: how can we express the images that show the new social protagonism in its process of emergence? The descriptions that attempt to this expression often fall into extreme reductionism, as a consequence of a descriptive vocation that fails to question the boundaries of its representative modes. For this reason, it seems crucial to **develop aesthetic thought capable of building new forms of representation, which can escape from the worn-out mesh of political interpretation.**

- The resistances have set in motion a comprehensive activity of reading as intervention – intervention as reading - (giving rise to new aesthetic and ethical outlooks: - a new connection between material praxis and conceptual possibilities; an embodiment of thought as well as the thinkability of doing; a final stroke to the separation between bodily sense and pure ideas; a movement whose immediate actions are informed by knowledge that makes experience possible yet again. This new subjective territory is capable of sustaining itself through itself. It can become the source of judgments, statements, evaluations, readings, actions, battles and encounters.

- It is characterized by the key qualities of a “people of the future” (sometime present, sometimes absent, and therefore always dependent on the aesthetic act that announces it, according to Deleuze). No doubt that this is foreign territory, resistant to objectification and reduction. A machine capable of making a sovereign choice as to which world it will implement as relevant.

- While each and every resistant negation implies a project of connection, it also consists in **producing its own conditions**. The current “Latin American crisis” will no longer simply appear in the light of economic science, - as prophecies that tell us of the supernatural fate of the Goddess of Economy – but will be illuminate by the shine of these motions of recreation, which is the actual **message of the Latin American struggles to the rest of the world.**

Buenos Aires, October 20th, 2003

David Riff | Throw them out!

Dislocated somewhere between 9/11 and Iraq, the Argentine insurrection of 2001-2002 seems to lie in the already-distant history, even though its events took place in the very recent past. During the mid-1990s, Argentina was lauded as an economic miracle. In order to promote the privatization of the Argentine economy following years of military dictatorship and a stagnant, nationalized economy, the International Monetary Fund (IMF) and other multilateral organizations had been supporting the dollarization of the peso by flooding Argentina with huge loans. But by December 2001, the IMF’s stabilization-recipe had soured. Currency values caved in completely. Unemployment and wage-withholding grew rampant. Fearing a run on the banks, the government froze accounts. The cash-machines ran out of money. The stores refused to sell their goods. The president resigned. Within a month, Argentina defaulted on 132 billion dollars of foreign debt. Millions took to the streets throughout the country shouting “Que se vayan todos!” (“throw the bums out!”), banging pots (=caserolas) in protest. The power vacuum left by both governmental crisis and investor withdrawal created a need for radical-democratic grassroots “self help”: neighbours formed constituent assemblies, barter points, and public eateries; factory-workers took to forms of self-organized

production, once the owners had been driven away by the default. The heterogeneity of a insurrective multitude, bound together not only by negative (destructive, violent) criticism, but also by the existential need to build something new as an alternative to the system’s hopelessness. By today, the potential of inner crisis has been externalized to a state of emergency on occupied territories, mediated in permanent prime-time hotspots like those in Gaza or Iraq. Yet the crisis in Argentina 2001-2002 – which entailed a complete collapse of the Argentine economy and became the scene of insurrection – is still extremely relevant. It shows how partial and total collapse can take place within societies on globalism’s inner periphery, societies that have embarked upon the path of politico-economic liberalization. But even more importantly, it allows us to ask what happens to the revolutionary potential unleashed by the crisis and economic collapse of neo-liberalism. Does it simply diffuse, once the “damage” is “under control”? Or does it converted into some other form of dissent? To be more concise: does revolution become resistance? And how are these forms of resistance reterritorialized? Can they be applied globally as a venue for change, no matter whether it is called revolution or resistance?

***
Invariably, the scene of cultural production is one of the most important places for such revolutionary potentialities and resistance-strategies. Such was also the case with Argentina. Initiated by Andreas Siekman and Alice Creisher, the project “exArgentina” explored the political and artistic subjectivities that the crisis unleashed. The project consisted of two parts, namely a congress held in November 2003 in Berlin and an exhibition held from March to May 2004 in Cologne’s Ludwig Museum. Instead of functioning as “an Argentina-show that present[ed] young art [and theory] from a precarious country”, both congress and show “[brought] together artists and groups from Argentina and Europe who express[ed] their views on the effects of the international financial and economic policies and their neoliberal ideology. Using the economic crisis and the revolts in Argentina in December of 2001 as a point of departure, [the theory and art-works] were concerned with the problems of representing and visualizing political and economic realities, [revealing] the parallels of the “crisis”.” (<http://www.exargentina.org/>).

Colectivo Situaciones | Между кризисом и контр-властью

Этот доклад был одним из центральных на конгрессе «Plòne vom Verlassen der Übersicht» («Как уйти от наблюдения»), проводившемся в Хеббель-Teatpre в Берлине 21-23.11.2003 в рамках выставочного проекта проекта exArgentina. Для газеты текст был адаптирован Давидом Риффом. Полностью текст можно прочитать на испанском и немецком языке на сайте: http://www.exargentina.org/_txt/_vdue/neg_de_01_widersprueche.html.

• Отрицание – это призыв к становлению. Но становление, в качестве опыта, становится обитаемой территорией. И тогда возникает власть. Действие этой власти подрывает статус-кво и вызывает реакции, которые в свою очередь негативны.

• Другими словами, есть две формы негативности. Одна из них деконструирует и запрещает любые целостности – ее мы назовем **отрицанием-сопротивлением**. Вторая – **отрицание-реакция** – мотивирована рессентиментом. «Отрицание-сопротивление» толкает к разнообразию, гетерогенности. Его сопротивление есть выражение труда, языка, удовольствия и творчества. Его время первично. «Отрицание-реакция», напротив, вторично, оно структурирует реальность через централизующие иерархии власти, оно требует консервации и блокировки всякого становления.

• Сегодняшние кризисы в Латинской Америке реализуют обе формы негативности. От сапатистского восстания, затем от аргентинского восстания в декабре 2001 г., вплоть до бунта в Боливии, сопротивление населения предстает как деконструирующий элемент и в то же время, открывает разнообразные возможности для будущего.

• Власть и контр-власть соотносятся друг с другом в асимметричных оппозициях и несовпадениях, в сосуществовании и конфронтации. Пространства отношений, проникающие одно в другое, отбирающие друг у друга территорию, вторжения за вражескую линию фронта. Хотя это пространство может показаться фрагментированным, оно также полно внутренних переходов, туннелей, военизированных границ и порогов.

• Латиноамериканские кризисы – это тихая реакция. Такие кризисы прекращают дружбу и сталкивают тех, кто видит в каждом подобном разрыве нормы результат возникшей субъективности и теми, кто упорно представляет кризис как системную «дисфункцию». Мы предпочитаем первых, потому что они способны видеть себя как творцов, а не только как жертв сложившейся ситуации.

• Есть ли у нас языки, образы и процессы мышления, чтобы зафиксировать, собрать и развить власть сопротивления? Можем ли мы, в пространствах контр-власти, порождать субъективность, которая подготовит кризис? Сможет ли эта субъективность победить и продолжить свое движение? Способны ли мы разработать новый политический радикализм, укорененный как в автономной организации, так и в горизонтальной взаимозависимости? Есть

ли у нас ясное представление о сегодняшнем социо-политическом конфликте? Существует ли практическая солидарность между группами, которые встречаются только в точечных конфронтациях против репрессии? Что будет с нами, когда мы нанесем глубокие раны по телу капитализма, разрывы, которые откроют для нас путешествие в неизвестность? Мы подозреваем, что в этой аванюре, институты, традиции привычного для нас общества потеряют свою значимость.

• Возможно, кризисы в Центральной Америке – не настоящие политические революции, но это настоящие бунты, революции в субъективных практиках. Эти разнообразные революции крутятся вокруг таких проблем, как самоуправление естественными ресурсами, перспективы нового материального производства жизни, которые по-новому расставляют акценты в производстве стоимости. **В Аргентине, пейзаж заметно поменялся:** можно указать на движение безработных (piqueteros), на сотни заводов, захваченных и управляемых рабочими, на муниципальные собрания, которые переопределили само понятие публичного пространства, на экономические сети, основанные на солидарности, на эксперименты в охране здоровья, воспитании, правах человека, в контр-информации, на новое искусство, которое дает детальное описание этих новых сетей, на новую эстетику, которая представляет опыт вне стереотипов и вне спектаклярной фигуры зрителя, наконец, на новый язык, который обновляет свое значение. Этот новый язык – более не способ выражения, затопленный СМИ, не несоизмеримо далекий язык академии и не политический жаргон, рассматривающий мир как объект манипуляции.

• В Латинской Америке отрицание изобретает новые способы движения по взорванной шахматной доске. Фрагментированная почва пересекается путешествиями субъектов и этическими скитаниями, которые оставляют далеко позади образ страдающей жертвы. Это кризис надо принять, но не только в его разрушительных и дисциплинарных силах: **пустырь может стать территорией для соединения производительных энергий и субъективностей, через сотрудничество.**

• Вернемся к нашим самым тайным сомнениям относительно отрицания-сопротивления: как выразить образы, которые отразят возникновение нового социального протAGONизма? Описания, которые стремятся к такому выражению, часто впадают в крайний редукционизм, вследствие описательности, которая не подвергает сомнению свой репрезентативный модус. Поэтому необходимо развить **эстетическую мысль, способную строить новые формы репрезентации, избегающие плоских политических интерпретаций.**

• Сопротивления запустили в движение практику чтения как интервенции – интервенции как чтения. Они породили новые эстетические и этические подходы: новые связи между материальной практикой и понятийными возможностями; воплощение мысли и мыслимость действия; последний гвоздь в гроб разделения телесных ощущений и идей; движение, чьи непосредственные действия формируются знанием, делающим опыт вновь возможным. Эта новая субъективная территория способна сама себя поддерживать. Она может стать источником суждений, утверждений, оценок, боев и столкновений.

• Эту территорию характеризуют ключевые качества «людей будущего» (иногда присутствующих, иногда отсутствующих, но всегда зависящих от эстетического акта, который их провозглашает). Нет сомнений, что это чужая территория, сопротивляющаяся овеществлению и редукции. Машина, способная к суверенному выбору мира, который она будет реализовывать.

• Каждое сопротивление-отрицание предполагает проект объединения. Оно состоит в **производстве своих собственных условий**. Текущий «Латиноамериканский кризис» предстанет не только в свете экономической науки – как пророчество сверхъестественной судьбы Богини Экономики – но будет сиять в свете упомянутых движений воссоздания, в которых и состоит настоящая **весть латиноамериканской борьбы всему миру**.

Буэнос Айрес, 20 октября, 2003

Давид Рифф | Долой!

Затертое между 9 сентября и вторжением в Ирак, аргентинское восстание 2001-2002 кажется принадлежащим далекой истории, хотя его события произошли совсем недавно. В середине девяностых Аргентину превозносили как экономическое чудо. Чтобы стимулировать приватизацию аргентинской экономики после периода военной диктатуры и загнивающей национализированной экономики, Международный Валютный Фонд (МВФ) и другие организации поддерживали долларизацию песо, предоставляя Аргентине огромные ссуды. Однако к декабрю 2001 года дотации МВФ иссякли. Песо рухнул. Безработица и задержки зарплаты росли как на дрожжах. Боясь очередей в банках, правительство заморозило счета. В банкоматах кончились деньги. В магазинах отказывались продавать товары. Президент подал в отставку. За месяц внешний долг Аргентины достиг суммы в 132 биллиона долларов. Миллионы людей по всей стране вышли на улицы, скандируя: «Que se vayan todos!» («Долой дармоедов!») и стуча в горшки в знак протеста. Пустота власти, образовавшаяся как в результате правительственного кризиса, так и после изъятия вкладов, создала необходимость в радикально-демократических инициативах «по самопомощи» снизу: соседи организовывали учредительные собрания, точки товарообмена и общественные столовые; заводские рабочие, после того как дефолт распугал хозяев, захватывали фабрики. Разнородность восставшего

множества объединила не только негативная (разрушительная, насильственная) критика, но и экзистенциальная необходимость построить нечто альтернативное безнадежной системе.

На сегодняшний день состоянию внутреннего кризиса придается форма чрезвычайного положения на оккупированных территориях, наподобие перманентных горячих точек, как в Газе или Ираке. Однако кризис 2001-2002 в Аргентине – повлекший за собой крах аргентинской экономики и приведший к восстанию – по-прежнему крайне значим. Он показывает, как частичный и полный крах может происходить в обществах, расположенных на внутренней периферии глобального капитализма, обществах, вступивших на путь политико-экономической либерализации. Но что еще важнее, он позволяет нам задаться вопросом, что происходит с революционным потенциалом, высвобожденным кризисом и экономическим крахом неолиберализма. Рассеивается ли он бесследно после того, как «поломка» «взята под контроль»? Или превращается в какую-то иную форму несогласия? Если совсем коротко: становится ли революция сопротивлением? И каким образом эти формы сопротивления ретерриториализуются? Применимы ли они в глобальном масштабе как инструменты изменения, вне зависимости от того, как его называть: революцией или сопротивлением?

***
Сцена культурного производства – одно из важнейших мест для таких революционных потенциальностей и стратегий сопротивления. Таков был и случай с Аргентиной. Инициированный Андреасом Сикменом и Алисой Крейшер, проект «exArgentina» исследует высвобожденные кризисом политические и художественные субъективности. Проект состоит из двух частей, а именно, конгресса, проведенного в ноябре 2003 года в Берлине и выставки, проведенной с марта по май 2004 года в кёльнском Музее Людвига. Вместо того, чтобы функционировать как «Аргентина-шоу, представляющее молодое искусство (и теорию) из небезопасной страны», и конгресс и выставка «собрали художников и группы из Аргентины и Европы, которые выражают свое видение последствий международной финансовой и экономической политики и её неолиберальной идеологии. Используя экономический кризис и восстания в Аргентине в декабре 2001 в качестве отправной точки, [теория и произведения] обращались к проблемам изображения и визуализации политической и экономической реальности, [вскрывая] соответствия ‘кризису’» (подробнее см. на сайте www.exargentina.org).

Ален Бадью | Тезисы о современном искусстве

текст был опубликован на сайте www.16beavergroup.org/journalisms/archives

1. Искусство не есть возвышенное нисхождение бесконечного, которое заключалось бы в конечном отторжении тела и секса. Напротив, оно является производством бесконечной субъективной последовательности, посредством конечного материального изъятия.
2. Искусство не может быть выражением особенности, будь то этнической или индивидуальной. Оно – безличное производство истины, адресующейся всем.
3. Истина, чья процессуальность лежит в искусстве, это всегда истина чувственного, поскольку оно чувственно. То есть в искусстве происходит трансформация чувственного в событие Идеи.
4. Существует, необходимым образом, многообразие искусств, и хотя между отдельными видами искусств может быть сколько угодно пересечений, невозможно вообразить себе тотализацию этого многообразия, сведение его к одному.
5. Каждое искусство появляется в неочищенной форме, и очищение этой нечистоты составляет как историю истины искусства, так и историю истощения этой истины.
6. Субъектами истины искусства являются произведения, которые ее составляют.
7. Составление истины из отдельных произведений есть бесконечная конфигурация, являющаяся, для каждого отдельно взятого художественного контекста, родовой тотальностью.
8. То, что действительно в искусстве – это идеальная неочищенность как имманентный процесс ее очищения. Другими словами: искусство имеет своим первичным материалом событийную случайность формы. Искусство есть вторичная формализация появления формы в качестве бесформенной.

9. Единственная максима современного искусства – не быть имперским. Помимо прочего, это значит, что оно не должно быть демократическим, если “демократическое” означает “соответствующее имперской идее политической свободы”.
10. Неимперское искусство есть неизбежно абстрактное искусство, в следующем смысле : оно абстрагируется от всякой особенности и формализует этот жест абстрагирования.
11. Абстракция неимперского искусства не имеет в виду никакой специальной публики. Неимперское искусство связано с пролетарским аристократизмом: оно делает то, что оно говорит, не обращая внимания на личности.
12. Неимперское искусство должно быть прочно связано воедино как доказательство, удивительно как ночное нападение и возвышенно как звезда.
13. Искусство делается сегодня исходя из того, что не существует с точки зрения Империи. Искусство конструирует, абстрактным образом, видимость этого несуществования. Именно эта способность диктует любому искусству формальный принцип: способность делать видимым то, что для Империи (а значит и для всех, но в другом смысле), не существует.
14. Империя сегодня уверена в том, что контролирует все видимое и слышимое экономическими законами о циркуляции информации и демократическими законами о коммуникации. Поэтому она больше не прибегает к цензуре. Поддаться этому разрешению наслаждаться означает гибель всякого искусства и всякой мысли. Мы должны быть собственными безжалостными цензорами.
15. Лучше ничего не делать, чем работать над формализацией видимости того, что, с точки зрения империи, существует.

5 декабря 2003

Артем Магун | Комментарий к тезисам о современном искусстве Алена Бадью

Мы не сможем здесь, на газетных страницах, сделать сколько-нибудь внятное введение в мысль Алена Бадью, одного из крупнейших и оригинальнейших философов нашего времени. Проясним лишь некоторые вещи, которые Бадью, в своем “пролетарском аристократизме”, разъяснить здесь не считал нужным.

В первом тезисе Бадью явно отсылает к психоаналитической трактовке искусства. Он согласен с Лаканом, что основной жест искусства есть изъятие, отторжение, эллипсис. Но он противопоставляет Лакану, с его кантовским онтологизмом бесконечного и недостижимого “реального”, конструктивный пафос: изъятие дает возможность для возникновения субъекта, субъекта события, истины и политического действия.

Во втором тезисе Бадью вводит свой полемический универсализм. Первичный негативный жест изъятия служит универсализации. Но это – не абстрактный универсализм капиталистической Империи, а – как явствует из третьего тезиса – универсализм, исходящий из конкретного, исторического события. В этом событии не возвышенная истина сходит на землю, а земля, история сама порождает бесконечную истину. Адресация истины всем означает не ее общедоступность, а возможность каждого идентифицироваться с ней через рискованное действие.

С точки зрения Бадью, психоанализ и теория искусства Аристотеля принадлежат к одной, “классической” традиции, с точки зрения которой искусство только правдоподобно, а не истинно, а также направлено на терапию чувственного. Хотя Бадью критичен по отношению к этой традиции (для него искусство несет в себе истину, а не правдоподобие), она явно близка ему, ближе других эстетических концепций. Так, в пятом и восьмом тезисе он скрыто апеллирует к аристотелевской теории катарсиса – теории имманентного очищения страстей в трагическом театре.

Искусство начинается с внешних, например религиозных или политических эффектов, но оно внутренне исторично, и история его направлена в сторону автономии и чистоты, то есть самодовлеющей субъективности.

В шестом и седьмом тезисах Бадью связывает теорию искусства со своим общим философским учением. В этом учении Бадью указывает на *событие* как на место порождения истины и основания субъекта. Причем событие не существует без субъективной верности ему, субъект должен сделать рискованную ставку на событие. Само произведение искусства не является событием. Скорее событие происходит с возникновением целого художественного движения, или эпохи, которая решительно порывает с прошлым. Через своих субъектов, т.е. в данном случае через отдельные произведения, событие формирует *конфигурацию*, например определенный жанр или вид искусства. И эта конфигурация в целом (например, роман или абстрактной живопись) есть единичная, своеобразная истина. Истина определяется Бадью (вслед за математиком П. Козном) как “родовая”, *générique*, в том смысле, что она несводима ни к какому логическому правилу или признаку, но “пробегает” все возможные в данном контексте правила и признаки. Это как бы платоновская идея, или художественный жанр, но у нее нет иного определения, как только исходя из события и из верного ему субъекта, который должен активно конструировать “родовую” истину. Событие, как и следующая из него “родовая” истина, выводит на свет и именует те элементы общественной жизни, которые выпадают из “нормальной”, целостной картины мира как государства и империи, и ведут в этой целостности призрачное существование. Здесь Бадью близок таким мыслителям как Бенямин, Деррида и Рансьер. Он доказывает математически, что подобные “избыточные” элементы есть в каждой историко-политической ситуации –

это те, кого забыли посчитать, а если и считают, то скопом: упущенные возможности, отверженные классы, сомнение и сопротивление. Искусство, опираясь на событие, призвано давать этим элементам видимость, не включая их механически в бесконечную “энциклопедию” Империи. В этом и заключается его “родовая” процедура.

Ряд тезисов, посвященных Империи, говорит сам за себя. Бадью опять настаивает на операции изъятия, вычитания – особенно в нынешний момент безудержного раскрытия и аккумуляции. Он призывает художника, как и философа, сопротивляться пластичности и вседозволенности капитализма, и (двенадцатый тезис) делать методичное, строгое искусство (здесь можно вспомнить любимого Бадью Мандельштама: “Доказывать и доказывать без конца: принимать в искусстве что-нибудь на веру недостойно художника !”) Хотя эту строгость, в силу сказанного ранее, нельзя выразить ни в каком своде правил. Бадью дает понять, на что похоже искусство в его понимании. Он достаточно определенно (восьмой, десятый, тринадцатый тезисы) высказывается в пользу искусства формального и рефлексивного – не в смысле узко понятого абстракционизма, а в смысле необходимой *формализации* – рефлексивной формализации той формирующей стихии, которая присутствует в любом произведении в бессознательном, бесформенном виде. Примерно того же, кстати, надо требовать и от философии, и от политики. Все эти процедуры должны открывать, универсализировать работающее в них формообразующее начало.

Многие из суждений Бадью могут показаться традиционными. Действительно, в его требовании верности событию заложен определенный консерватизм. Но основной смысл его призыва – в необходимости неуклонно, конструктивно идти вперед, обеспечивая формальной строгостью связь движения с побуждающим его событием.

Alain Badiou | Fifteen Theses on Contemporary Art

text was first published at www.16beavergroup.org/journalisms/archives/000633.php

- 1. Art is not the sublime descent of the infinite into the finite abjection of the body and sexuality. On the contrary, it is the production of an infinite subjective series, through the finite means of a material subtraction.
- 2. Art cannot merely be the expression of a particularity (be it ethnic or personal). Art is the impersonal production of a truth that is addressed to everyone.
- 3. Art is the process of a truth, and this truth is always the truth of the sensible or sensual, the sensible qua sensible. This means: the transformation of the sensible into an happening of the Idea.
- 4. There is necessarily a plurality of arts, and however we may imagine the ways in which the arts might intersect there is no imaginable way of totalising this plurality.
- 5. Every art develops from an impure form, and the progressive purification of this impurity shapes the history both of a particular artistic truth and of its exhaustion.
- 6. The subjects of an artistic truth are the works which compose it.
- 7. This composition is an infinite configuration, which in our own contemporary artistic context is a generic totality.
- 8. The real of art is ideal impurity conceived through the immanent process of its purification. In other words, the raw material of art is determined by the contingent inception of a form. Art is the secondary formalisation of the advent of a hitherto formless form.
- 9. The only maxim of contemporary art is: do not be imperial. This also means: do not be democratic, if democracy implies conformity with the imperial idea of political liberty.

- 10. Non-imperial art is necessarily abstract art, in this sense: it abstracts itself from all particularity, and formalises this gesture of abstraction.
- 11. The abstraction of non-imperial art is not concerned with any particular public or audience. Non-imperial art is related to a kind of aristocratic-proletarian ethic: it does what it says, without distinguishing between kinds of people.
- 12. Non-imperial art must be as rigorous as a mathematical demonstration, as surprising as an ambush in the night, and as elevated as a star.
- 13. Today art can only be made from the starting point of that which, as far as Empire is concerned, doesn’t exist. Through its abstraction, art renders this in-existence visible. This is what governs the formal principle of every art: the effort to render visible to everyone that which, for Empire (and so by extension for everyone, though from a different point of view), doesn’t exist.
- 14. Since it is sure of its ability to control the entire domain of the visible and the audible via the laws governing commercial circulation and democratic communication, Empire no longer censures anything. All art, and all thought, is ruined when we accept this permission to consume, to communicate and to enjoy. We should become the pitiless censors of ourselves.
- 15. It is better to do nothing than to contribute to the invention of formal ways of rendering visible that which Empire already recognises as existent.

December 05, 2003

Artem Magun | Comments on Alain Badiou’s Theses on Contemporary Art

We cannot, on this newspaper’s pages, offer you a complete, coherent introduction into the work of Alain Badiou, who is one of the most significant and original thinkers of our time. We can only clarify a few things that the “proletarian aristocrat” Badiou did not find necessary to explain.

In his first thesis, Badiou is obviously referring to the psychoanalytical interpretation of art. He agrees with Lacan that art’s main gesture is subtraction, abjection, and ellipsis. But he also opposes Lacan’s Kantian ontologism of the Infinite and Unreachable “Real” and offers his constructive pathos instead: subtraction affords the possibility for the appearance of the subject, the subject of event, truth and political action.

In his second thesis, Badiou introduces his polemic universalism. The primal negative gesture of subtraction serves universalism, not the abstract universal of Empire, but – as the third thesis clearly shows – a universalism that departs from a concrete historical event. This event does not come to the world; instead, the world, history itself gives rise to an endless truth-procedure. The fact that this truth is addressed to everyone does not mean that it is universally accessible, but implies the possibility for anybody’s identification through taking risks in action. From Badiou’s point of view, psychoanalysis and Aristotelian aesthetics belong to one and same the “classical” tradition. In this tradition, art is only similar to truth (i.e. it is believable or plausible) but it is not truth. However, at the same time, it aims at effecting a kind of sensory therapy. Although Badiou is critical as far as this tradition is concerned – for him, art is truth and not simply plausibility – he clearly feels far closer to its view than to any other aesthetic conception. The fifth and eight theses are actually hidden appeals to the Aristotelian theory of catharsis as the theory of immanent purification in the tragic theater. Art begins with exterior effects such as those of religion or politics, for an example. However, at the same time, art is inherently historical, and history aims toward autonomy and purity, self-sufficient subjectivity, in other words.

In the sixth and seventh theses, Badiou connects the theory of art to his general philosophical doctrine in general. In this doctrine, Badiou points toward the *event* as the place that generates both truth and the basis for subjectivity as such. At the same time, the event does not exist without the subject, who needs to take a risk toward the event. The work of art is not an event in and of itself. Instead, an event occurs with the appearance of an entire artistic movement or an epoch that makes a decisive break with past. Through its subject i.e. its artworks, in this case, the event forms a *configuration*, a certain genre, for an instance, or an artistic discipline. Taken as a whole, this configuration (the novel, for an example, or abstract art) is a unified truth of sorts. Badiou defines truth as something “generic” (following the mathematician P. Cohen) in the sense that it cannot be reduced to any logical rule or quality; instead, it “runs through” all possible rules and qualities of its given context. This quasi-Platonic could be an artistic genre, but it cannot be defined other than by using the event and its subject as a point of departure, since this relation

actively constructs the “generic” truth.

The event as well as the “generic” truth that it produces bring to light and name those elements of social life that usually fall out of the “normal”, coherent image of the world as a state or an empire, leading a spectral life. Here, Badiou’s thinking comes close to that of Benjamin, Derrida and Ranciere. He proves mathematically that such “superfluous” elements exist in each historical-political situation, forgotten, uncounted, only considered en masse: missed chances, rejected classes, doubts, and resistance. Arising from the event, art is called upon to supply these elements with visibility, without including them into the Empire’s “encyclopedia”, mechanical and endless. This, in short, is art’s “generic” procedure. The sequences of theses that deal with Empire speak for themselves. Once again, Badiou is insisting upon the operations and subtractions of truth, especially in light of a situation of unfettered exposure and accumulation. He is calling upon both artists and philosophers to resist capitalism’s plasticity and permissiveness, and (in the ninth thesis) to make methodical, strict art, even if this strictness cannot be expressed in any set of rules, on the strength of what was said above. Badiou indicates which kind of art he is thinking about. He is quite obviously arguing in favor of formal and reflexive art – abstraction, not in its strict art-historical sense, but as a necessary *formalization* – molding reflexively the formative passions that exists in any artwork in an unconscious, unformed shape. By the way, he also makes similar demands on philosophy as well as politics. All of these procedures should reveal and universalize the principle that gives them form. Many of Badiou’s deliberations may seem traditional. True, his demand for faithfulness toward the event is loaded with a certain type of conservatism. But the main meaning of this call lies in the necessity to go forward constructively without shrinking back, providing for the formal strictness of connection between movement and the event that it induced.

“Разумеется, есть огромная разница между подлинной социальной борьбой от имени эксплуатируемых меньшинств... и ... насаждением безопасного, безвредного, безобидного сопротивления (resistance), процветающего среди “радикальных” университетских преподавателей”. (С.Жижек, «13 опытов о Ленине»).

Даже для медийно этаблированного Жижека “сопротивление” подразумевает скрытую легитимацию статус-кво, и он проницательно вскрывает его мотивацию (лакановская модель *истерического* поведения): интеллеktуал-сопротивленец постоянно провоцирует “Систему” (Другого, Господина) своими текстами и выступлениями, но суть игры - чтобы ничего не изменилось, все осталось в рамках “психологии” (подтверждение своей неконформистской идентичности). С другой стороны, - продолжая эту критику, - активист занимается тем же, ведя себя, скорее, как *обсессивный* невротик со своими навязчивыми ритуалами. Участвуя в мирных демонстрациях, занимаясь своим профессионально отлаженным и также не угрожающем системе “конкретным малым делом”, он всегда может бросить упрек “свободнопарящему” интеллеktуалу, что он занимается “болтовней”. Идеальная пара взаимодополняющих невротических субъектов... Естественно, не стоит переоценивать эти индивидуалистические «психологические» фигуры, замыкая анализ в пределах близкой тебе социальной группы. Важно, что ставкой становится некоторая “подлинность” борьбы. Чтo важнее - анализ системы или действия в отношении нее? Теория или практика? Нас призывают к пародийному либеральному выбору “потребительского пакета” борьбы, покупке того или иного “неконформистского комплекта”. Общепризнанная банальность состоит в том, что сейчас мы находимся вне революции как кардинального изменения системы, или на самых дальних ее исторических окраинах. Очевидно, что сам разрыв теории/практики структурно задан этим “вне” (опять же, не является это постулирование «вне» родом цензуры?). Но этот *травматический* разрыв необходимо постоянно удерживать. Вопрос не в том, чтобы описывать свою позицию в жесткой альтернативе “политический активизм/культурный resistance” (которая так или иначе предполагается), надо постоянно уходить от нее как от псевдопроблемы, нужно по-другому выстраивать эти смысловые моменты. Главная проблема, которая за этим скрывается, - отношение к революции как реальной возможности преобразования, со всей ее тяжестью. Из нашей современности, в ее странной форме исторического оцепенения и анестезии, революция кажется чем-то невероятно далеким, как случайно попавшие в зрачок образы фильмов Эйзенштейна или Годара (1917 и 1968-й). А современная скептическая теория, неустанно упражняющаяся в разборке больших смысловых и исторических единств, способна рассеять революцию в тысяче частных и случайных контекстов, дезавуировать ее как эффект, частный извод той самой эпохи, которую она должна отрицать. Но может ли она полностью объективировать революцию, устранить ее как событие, как возможность? Предельно «скандальный» вопрос состоял бы в том, готовы ли мы к революции и другому порядку вещей, готовы ли мы чем-то поступиться, чего-то лишиться - в ситуации реального риска и неудобства, а не заниматься репутационными играми. При этом - нашу готовность, как бы субъективно она не оценивалась, нет возможности проверить. Все проверяется в операциональном режиме: работает или не работает.

И никому не хочется приносить жертвы чужим химерам, когда призыв к действию и риску может оказаться пустой провокацией. Когда сам этот вопрос при желании можно дезавуировать как провокацию. В удержании тяжести этого неудобного вопроса о революции и состоит позиция, которая более рефлексивна, чем ортодоксально-активистская, и более самокритична, чем идеология культурного «сопротивления». Для того чтобы его не упустить, нужно четко различить три значения понятия сопротивления, точнее, три его смысловых регистра. Необходимо присвоить этот популярный термин невротического языка, придав ему позитивное значение.

1.*Этическое значение* - исторически связано с ситуацией войны и оккупации, превосходством сил противника. Означает выбор борьбы в горизонте, по меньшей мере, негарантированного успеха.

2.Определение в терминах взаимодействия сил (*микрополитическое*). Локальные стратегии и действия современной био-власти порождают столь же рассеянное, локальное сопротивление; в свою очередь, новые типы сопротивления заставляют власть изобретать новые типы контроля.

3.*Политическое значение* – как предреволюционной стадии формирования сообществ, субъектов революционной борьбы, со всей системой развивающихся технологий и практик. В отличие от микрополитической локальной и спонтанной резистентности, политическое сопротивление (а) скоординировано, имеет стратегический вектор; (б) имеет тенденцию к генерализации, вовлечению в (классовую) борьбу широких масс.

Эти регистры отсылают к историческому процессу, характеризуя его динамику (радикализация), а также разные страты и формы активности (*выбор* позиции, спонтанное резистентное *действие*, *субъективация* борьбы и *объединение* политических сил в революционной перспективе). Во всех регистрах сопротивление имеет и непосредственно политическую, и культурную (идеологическую) составляющую.

Чем же сопротивление отличается от традиционной политической борьбы, зачем вообще кодифицировать это подозрительное слово? Этический регистр сопротивления отражает *наши* исторический момент – момент торжества неолиберализма, момент кризиса всех старых политических структур, связанных с левой традицией, когда любая альтернативность существующему порядку осуждается капиталом и обслуживающими его интеллеktуалами-скептиками чуть ли не как «онтологически невозможное», чудовищным и недопустимым образом субстантивируется как «абсолютное зло». Микрополитический регистр позволяет оценить и актуализировать тот рассеянный протестный потенциал, который исходит из всех зон нашего общества. Наконец, политический момент сопротивления позволяет расширить традиционный концепт «классовой борьбы», ограничивающий пространство практики активностью представляющих классовые интересы политических структур с присущей им реакционной тенденцией играть по чужим правилам. Недостатком термина «сопротивление» являются его пессимистические обертоны. Сопротивляться можно чему-то огромному, неодолимому. Но мы уже знаем, что иногда – в моменты революционного прерывания Истории, внезапного обесценивания всех величин и масштабов – это неодолимое оказывается «бумажным тигром». Для того чтобы попасть в этот регистр революционной легкости, силы и эйфории, абсолютной имманентности жизни, скинувшей бремя истощающей ее эксплуатации, необходимо разыграть все регистры сопротивления.

Алексей Пензин (АП): В последнее время в среде левых говорят о «сопротивлении», это выражается в названиях групп активистов, в текстах левой прессы и т.д. Дело лишь только в моральной позиции? Т.е. мы, в новых жестких условиях неолиберализма, когда, казалось бы, все проиграно, продолжаем стоять на своем. Сопротивляться в культурном поле, в повседневной жизни, если у нас нет возможности выразить наш протест политически, не говоря уже о том, чтобы своими действиями кардинально изменить порядок вещей. Мне кажется, что здесь есть скрытая уловка. Во-первых, мы получаем колоссальное нарциссическое удовольствие от своей (предполагаемой) неконформности, во-вторых, получаем вполне реальные бонусы, так или иначе, располагая себя внутри системы.

Александр Тарасов (АТ): Исторически, как известно, термин связан с II Мировой войной – с французским Сопротивлением (Resistance) фашистской оккупации. Тогда ситуация была такой: основатели и участники Движения сопротивления понимали, что лично они не могли рассчитывать на победу. Теоретиком Сопротивления был Сартр, который объяснил, что это – «восстание совести», или «восстание морали». Либо ты теряешь самость, растаптываешь свое достоинство, либо ты сопротивляешься. Философская база Сопротивления не была спекулятивной, она родилась из практики. Во Франции несколько первых волн Сопротивления были полностью сметены фашистами, все были арестованы или убиты. Только затем сложилась подпольная сеть, инфраструктура, появились отряды маки и т.д. Поначалу Сопротивление было подвигом отчаяния. Такое – героическое – понимание Сопротивления не устарело до сих пор.

АП: Но продуктивна ли эта узко-этическая интерпретация, и есть ли какие-то другие возможности мыслить сопротивление? Можно установить разные логические отношения между «сопротивлением» и «революционной борьбой». Можно противопоставлять их, отрицая одно и выдвигая на первый план другое.

Говорить о «сопротивлении» как о скрытом конформизме и мелкобуржуазности. Или же обвинять сторонников революционной борьбы в безответственном утопизме и фразерстве. Или же «диалектически» говорить о том, что это разные фазы одного процесса. Какая позиция Вам более близка, и как вы могли бы ее обосновать?

АТ: Словом «сопротивление» пользуются сегодня все, кому не лень, анализируя его смысл. В реальности существуют три формы противостояния власти, режиму, институту подавления, торжествующему капитализму – называйте это как угодно. Это:

1. оппозиция,

2. сопротивление и

3. революция.

Оппозиция – это пока вы выступаете «против», но в рамках Системы, согласны играть по ее правилам. Вы можете сколь угодно радикально критиковать Систему, но пока вы действуете в рамках предложенных правил, это всего лишь оппозиция. Оппозиция – вещь бесперспективная. Поскольку сами правила созданы не для того, чтобы Система проиграла, они сформулированы таким образом, чтобы проиграл ее противник, а если и «выиграл», - скажем, пришел к власти, - то уже полностью переродившись, перестав быть опасным, оставаясь противником только на словах. Парламентская борьба, которую любят многие левые, классический тому пример. Сопротивление же – это когда вы перестаете играть по правилам Системы, и начинает либо создавать такие зоны, участки, территории,

A far more extensive version of this text can be found on www.chtodelat.org

When I received an invitation to the group show North at the Kunsthalle in Vienna there was a great deal in the newspapers about Jürg Haider and Austria’s new right-wing extremist government. An email posing the question: “Would you have exhibited in Nazi Germany?” was circulated in the art world. I made my first trip to Vienna in March 2000 in order to decide whether I should participate in the exhibition. My desire to investigate the art gallery’s relationship to the new government was met with openness by the gallery staff. What had happened in Austria over the past five years is not an isolated Austrian problem. Haider is a symptom of the political situation all over Europe and an urgent issue for us all. I decided to participate in North.

I arrived in Vienna for the second time in May 2000. It was scary to be in a foreign country and know that every fourth person had voted for the neo-Nazis. But I also knew that resistance existed. Demonstrations are rare in Austria but after the election, the largest demonstrations attracted more than

100.000 participants. The Austrian media are more or less organs for the government and don’t even report the larger manifestations. But I was not interested in contacting those who were behind these demonstrations; I wanted to get hold of people who did small, almost invisible things, neither heroes or victims and who don’t reckon getting any fame for their deeds. They only do what they feel they must.

Dieter, who’d been active in the resistance movement from the start, became my assistant. The 15 people who participated in my project got 3 - 5 minutes in front of Dieter’s video camera to describe what they did and why. They also had to come up with something visual, taped as a kind of advertisement for their actions. We called the project “Videofit-up”. I won’t describe everyone we filmed, but I will mention [one].

I heard that some students at the art college in Vienna had occupied their assembly hall in protest. After a couple of weeks a TV company arrived and asked if they could borrow the assembly hall for a few hours to shoot a scene for a detective series. The students allowed themselves to be bribed. When the

где законы Системы не действуют напрямую – их не могут вам навязать...

АП: Это похоже на популярную анархистскую идею «автономных зон».

АТ: Нет, идея Хаким-Бея – полная чепуха. Наиболее чистый образец Сопротивления – это территория партизанского отряда, где совершенно не действуют законы противника. Либо это подполье, где они также не действуют. К этому относится и создание теории, которая непонятна противнику. Говоря не новым языком «автономов», а старым языком Франкфуртской школы, вы потому автономны, что непрозрачны. Подполье – это область непрозрачности. Что там происходит, власть может догадываться, знать – задним числом, более или менее хорошо, - но она не может влиять на процессы. Когда возникают такие зоны непрозрачности для власти, то всякие активные, в первую очередь вооруженные, формы отпора попыткам Системы эти зоны уничтожить – это уже настоящее Сопротивление. Создание и отстаивание таких зон – это и есть Сопротивление.

АП: Как тогда, исходя из предложенного вами понимания, можно говорить о революции?

АТ: Когда начинается стратегическое наступление противника, а вы обороняетесь, это еще сопротивление, когда вы сами переходите в стратегическое наступление, это уже революция. Между сопротивлением и революцией есть прямая связь, и иногда момент перехода между ними трудноуловим. Приведу один исторический пример. Когда народники создавали подполье и вырабатывали собственные теории, это уже было сопротивление. Потому что они уже не жили по правилам Системы. По правилам Системы, в легальной жизни, они числились студентами, преподавателями, еще кем-то. Когда они устраивали «хождение в народ», это было все еще сопротивление, потому что они просто пытались расширить зону неподконтрольности правительству. Когда же народовольцы перешли к тактике террористической борьбы, с целью принудить власть принять конституцию (у них была такая конкретная цель), это уже была революция, и они стали революционерами. Когда эсеры или социал-демократы потом стали

создавать свои кружки, они уже начинали с высокой стадии, стадии сопротивления, ведь они создавали подпольные кружки. Эта стадия тянулась до 1905 года, пока подполье не перешло в стратегическое наступление на власть.

АП: Обозначенные вами формы борьбы – оппозиция, сопротивление, революция - нельзя назвать просто «стадиями» диалектического процесса.

АТ: Эти формы могут выступать как последовательные ступени одного процесса, а могут и не выступать, все зависит от конкретной ситуации. Есть, как я уже говорил, прямая связь между сопротивлением и революцией. Оппозиция же, парламентская борьба может длиться вечно. Но оппозиция может находиться в симбиозе с сопротивлением: ИРА и Шинфейн или, гораздо раньше, у эсеров – подпольная партия (включая Боевую организацию) – и легально действующие в Думе «народные социалисты». Это происходит, если власть оказывается в ситуации, когда она не может запретить этот тактический прием, или же когда надеется с его помощью «засветить» подполье. Обе стороны пытаются переиграть друг друга в легальном поле.

АП: Не случайно все же, что слово «сопротивление» родилось во время войны. В своем анализе вы постоянно пользуетесь военной терминологией. Переход от состояния оппозиции к состоянию сопротивления – переход от мирного гражданского состояния, от системы юридического закона, суверенитета парламентско-представительского типа, где партии играют по правилам, к

силовым отношениям, стратегиям и тактикам, свойственным «войне» в широком смысле этого слова.

АТ: Борьба не обязательно должна носить перманентно вооруженный характер. Сопротивление выливается в «войну» потому, что вы перестали соблюдать правила Системы, стали «социальными сепаратистами» – а Система инстинктивно не может допустить этого, как инстинктивно буржуазное государство не может допустить «сепаратизма» географического.

АП: Само сопротивление можно рассматривать в виде различных регистров, фаз?

АТ: Да. Первый этап – «докружковый», когда происходит осознание ситуации, анализ, формирование теорий. Второй: возникновение подпольных групп, в том числе кружков. Они еще часто политически неактивны, они вырабатывают стратегию и идеологию. Потом они сливаются в пропагандистские или боевые группы. Потом они находят друг друга и объединяются в некую общенациональную структуру, не обязательно партию. Для каждого исторического этапа адекватная, успешная форма революционной организаций была разной. Начиная с клубов во времена Великой Французской революции – и заканчивая, например, партизанской армией у сандинистов. Формы меняются, потому что Система находит новые способы борьбы против каждой новой формы объединения революционеров. Как только власть нашла противоядие против конкретной формы революционной организации, та сразу же устаревает. Все устанавливается экспериментальным путем. Почему революционные клубы времен Французской революции, где политика обсуждалась публично, были эффективны? Потому что политика «старого режима» была кулуарной, ее акторы не были способны к публичной полемике. Почему затем клубы стали неэффективными? Потому что для них нашли противоядие – запрет, оказалось, их можно было просто запретить и разогнать. Революционный процесс на время оказался в тупике, пока не были изобретены новые формы революционной организации – карбонарские венты, успешно осуществившие революцию 20–30- годов XIX века. Система не знала, как с ними бороться, пока, в свою очередь, не изобрела сеть конкурирующих друг с другом тайных служб. Это чистая эмпирика. В тот момент, когда происходит крах предыдущей парадигмы, нужно искать новое. И это новое ищется экспериментально - ставят эксперимент на себе, жертвуя собой, проверяя, что способно разрушить Систему, а что нет. Это требует личного мужества. Подполье потому не удавалось окончательно уничтожить, что там собирались люди с моральными качествами, которых не было у агентов власти.

АП: Как, по-вашему, существующие у нас небольшие группы левых активистов – троцкисты, анархисты, которые проявляют все же значительную активность, но не участвуют в «парламентских играх», находятся в фазе сопротивления?

АТ: Да, они не играют в парламентские игры, но они и не создали свои собственные территории непрозрачности. Они насквозь прозрачны, обложены спецслужбами, туда внедрена масса информаторов. Когда нужно было арестовать Лимонова, его мгновенно задержали. Обнаружилось, что его квартира напичкана «жучками», а в руководство партии введен провокатор. Единственный случай Сопротивления на постсоветском пространстве был в Приднестровье. Там раньше всего свергли советскую бюрократию. Именно потому что там сложилась такая ситуация, что трудовые коллективы фактически взяли власть в свои руки, они оказались в состоянии противостоять попыткам советской номенклатуры навязать им правила игры. Но чтобы эта ситуация выросла во что-то более перспективное, нужно было предлагать другой общественный проект и переходить в наступление, чего они не сделали.

АП: Непрозрачность – важный критерий.

АТ: Безусловно. Потому что противоположная сторона также непрозрачна для революционных сил и общества вообще. Спецслужба – это легально действующая подпольная вооруженная организация. У нее есть право на легальное «подпольное» насилие.

АП: Что в наших условиях препятствует возникновению очагов подлинного сопротивления? Тактическая концентрация сил контроля и надзора, или все же более глубокие исторические причины?

АТ: Отсутствие революционного опыта, революционной традиции. У большевиков и их союзников была традиция, эта традиция уходила в 60-е годы XIX века. Революции предшествовало полвека сопротивления. Мы же живем в патологических условиях почти векового торжества контрреволюции – начиная со сталинского термидорианского переворота 1927–1937 годов. За это почти столетие революционная традиция пресеклась. Сейчас у нас существует странная ситуация, при которой левые фактически находятся на «докружковой» стадии, а при этом формально у нас существуют всякие якобы левые политические партии (начиная с КПРФ), которые притягивают к себе всех оппозиционно настроенных людей. У нас все, даже мелкие группы, мечтают стать партиями а-ля КПРФ, не задумываясь о том, а не является ли уже партия устаревшей формой революционной организации. Сейчас любой подпольный кружок находился бы на более высоком уровне развития, чем эти легальные партии.

АП: Вы достаточно серьезно скорректировали понимание сопротивления. Мне казалось, что этот термин большей частью отражает идеологию академических левых.

АТ: Их «сопротивление» - это чистой воды оппозиция, игра на территории противника по его правилам. Все это заранее обречено на поражение, и может лишь давать играющему моральное удовлетворение, иллюзию, что он незапятнан.

АП: Как выяснить, какие технологии из огромного архива сопротивления еще действенны, революционны?

АТ: Все проверяется опытным путем – нужно ставить эксперимент. Конечно, нужно учитывать, что общая ситуация меняется, меняется техническая оснащенность противника. Очевидно также, что предыдущая парадигма себя исчерпала, левое движение находится в состоянии творческого кризиса. Уже 1968 год был манифестацией кризиса левых, моментом, когда кризис проявился. К 1968-му выросло новое поколение левых, которые не хотели довольствоваться явно устаревшими теориями и явно устаревшими, сложившимися еще в 20–30 годы организационными формами. Но оно и не смогло предложить новых эффективных форм, потому что даже внутри левого мира оказалось маргинальным. 1968-й – это всплеск, который указал на конец цикла. Дальше началась просто деградация, где-то с 1975 года. «Антиглобализм» тоже – вовсе не выход и не новый расцвет левого движения, как нам пытаются доказать. Наоборот: «антиглобалистское» движение возникло потому, что силы социальной реакции, силы неолиберализма оказались так мощны и агрессивны, что загнали всех своих левых противников на крошечный пятачок, где те вынуждены были наконец заметить друг друга и начать действовать сообща. Это – не от хорошей жизни, это – свидетельство кризиса. Но кризис – хорошее состояние, только через кризис возможно развитие.

Москва, 28.07.2004.

TV team and the actors arrived the students nicked some of their equipment, which meant that the shot took twice as long as planned and the TV company had to cough up more money. The students used the money to get friends released who had been jailed in connection with a large demonstration outside the TV building. However, instead of talking about this action they wanted to do something new for my project. They asked Dieter and me to a party. Ascam instructed us and a dozen students how to make Molotov cocktails and at night we went to a quarry to learn how to ignite and throw them. It was made as an instruction film. The advertising bit for this action advertised a 24 hour Shell station, with a person buying two cans of petrol and a beer.

In the gallery space at Kunsthalle my assistants and I set up a workshop. Every evening two feature films were copied from Austrian TV, and the day after we reedited them: 10 minutes after the film’s start and 10 minutes before its end we put in a couple of advertising films, also copied from TV. Then in the middle of the film we cut in a description of some of the 15 protest actions and between the advertising films in the beginning and the end, we also cut in the advertising bits for these actions. The remixed tapes were put in boxes. The following evening the tapes were taken by me and my assistants

in white carrier bags and left on park benches, café tables, subway seats – as if they had been forgotten by someone. My hope was that its finder would watch the video. A total of 250 Videofit-Up tapes were produced and distributed.

The 15 films and advertising snippets were not shown in the art gallery. Instead we showed a film of a situation that Dieter and I landed in when we were out doing research. Before a demonstration, a man with a megaphone cropped up in Heldenplatz and shouted out that the evening before the police had shot to death a young man in conjunction with a raid of a club in an immigrant area. The anarchists began to march on their way towards the police station, shrieking “murderers, murderers, murderers”. Dieter and I followed along, filming. Suddenly we were surrounded by hundreds of policemen. The films show how the police corps caused more blood to flow. Rumours about the film spread and led to a trial where the police were charged with assault. There was a great difference between our film and the pictures shown on the news taken by the TV team, who arrived when most of the trouble was over.

Alexei Penzin | Registers of Resistance

“Of course, there is a huge difference between authentic social struggle in the name of the exploited minorities...and...sowing the kind of safe, harmless, inoffensive resistance that flourishes among “radical” university professors”. (S. Zizek, “Repeating Lenin”)

Even the media-adept Zizek sees “resistance” as something that provides a hidden legitimization of the status quo, poignantly uncovering its motivation (the Lacanian model of *hysterical* behaviour): the intellectual-resistance-fighter constantly provokes the “System” (the Other, the Master) with his texts and public appearances, but the name of the game is that nothing should ever change, that everything should be understood in the framework of “psychology” (as the confirmation of non-conformist identity).

On the other hand, one can extend this critique to the activist, who behaves much like an *obsessive* neurotic, bound to compulsive patterns of behaviour. Participating in peaceful demonstrations, smoothly engaged in his professional “concrete small-scale activity” that also fails to present any real threat to the System, the activist can always accuse the “free-floating” intellectual of producing only “hot air” and “empty speeches”. An ideal “odd couple”, both neurotic through and through... Naturally, it would be wrong to overestimate these individualistic “psychological” figures, limiting your analysis to the next best social group. Instead, it is important that some kind of “authenticity” of struggle is at stake. What’s more important? To analyze the system or to interact with it? Theory or praxis? We are called to choose between two liberal parodies of “package deal” struggles, to purchase one or the other “nonconformist kit”. The universally recognized banality of this situation consists in the fact that we are not currently in a state of revolution (as a cardinal change of the system), that we are located on its most distant historical margins at best. It is obvious that the gulf between theory and praxis is imposed by this “hot”? (Isn’t this postulated negation a form of censorship?) But this *traumatic* rift is something we continuously need to suppress. The question is not how you describe your positive, strictly choosing between the alternatives of “political activism” vs. “cultural resistance”, a choice which you are forced to make, one way or another, but of how to constantly leave this choice behind as a pseudo-problem, finding other ways to form its moments of significance. The main problem behind all of this is your relationship to the revolution as the real possibility for radical transformation, in all of its gravity. Seen from a contemporary perspective, from within its strange historical numbness and anesthesia, the revolution seems like something extraordinarily distant, like images from films by Eisenstein (1917) or Godard (1968), hitting your eyes at random. Contemporary theory is all too skeptical. Indefatigably, it practices the disassembly of the big semantic and historical unities capable of disseminating revolution in a thousand private (individual) and casual contexts, disavowing it as an effect, a private(individual) waste production of the epoch that it must deny. But can theory ever objectify revolution completely, pushing it aside as an event, as a possibility?

It has become extremely “scandalous” to ask whether or not we are ready for revolution and for a new order of things. Are we ready to make sacrifices, to undergo deprivation? Are we ready to take risks and not simply to play reputation-games? At the same time, there is no way of testing our readiness, no matter how we see it subjectively. All cases are tested under an operative regime: either it works or it doesn’t. And no one wants

to make sacrifices for foreign chimera, when the call to take action, to take risks might be no more than an empty provocation. When the question in and of itself can be repudiated as a provocation.

By retaining the gravity of this uncomfortable question about the revolution, we can form a position more reflexive than orthodox activism, and more self-critical than the ideology of cultural “resistance”. In order not to lose the feeling for this question’s gravity, it is necessary to clearly distinguish three meanings of the notion “resistance”, or to be more precise, three of its semantic registers. It is necessary to appropriate this popular term of neurotic language, endowing it with positive meaning.

- 1. *Ethical significance* is historically connected with the situation of war and occupation, with the enemy’s presence in superior force. The choice to stand and fight is made against the horizon of a success for which there are very little guarantees.
- 2. *Micropolitical significance* is defined in terms of interacting forces. Local strategies and action of contemporary bio-power give rise to equally varied local resistances. They, in turn, force the authorities to invent new types of control.
- 3. *Political significance* arises as the pre-revolutionary stage of forming communities, subjects of revolutionary struggle against the entire system of the developing biopolitical technologies and practices. In contrast to micro-political, local and spontaneous forms of resistance, political resistance (a) is coordinated, has a strategic vector and (b) tends to generalize its struggle, getting involved in the (class) struggle of the masses at large.

These registers refer to an historical process, characterizing its dynamics (radicalization), as well as its various striae and forms of activity (selection of position, spontaneous resistant *action*, the subjectification of struggle and the consolidation of political forces in view of revolution). In all of its registers, resistance immanently consists of political and cultural (ideological) components.

But how does resistance differ from traditional political struggles? Is it really necessary to codify this suspicious word? The ethical register of resistance reflects *our* historical moment - the moment of neoliberalism’s triumph coupled with the crisis of all of the old political structures that were connected with the tradition of the Left. Today, any alterity to the existing order is condemned by capital and its intellectual- skeptic servants as “ontologically impossible”, substantivized as “absolute evil” by monstrous and inadmissible means. Its micro-political register makes it possible to estimate and to accumulate the scattered potential of protest, which proceeds of all zones of our society. Finally, the political aspect of resistance makes it possible to enlarge the traditional concept of “class struggle”, which limits the space for representing class interests to political structures and their inherent tendency to play according to the dictate of the enemy’s rules.

One of the main drawbacks of the term “resistance” is its pessimistic overtone. You can only resist something that is enormous and invincible. But we already know that sometimes - at the moments that break history with revolutionary interruptions, suddenly depreciating all values and scales, that this invincible foe often turns out to be nothing more than a “paper tiger”. In order to fall into this register of revolutionary lightness, into the strength and euphoria of life’s absolute immanence, breaking free from the yoke of exploitation, it is necessary to play all of resistance’s registers.

Alexei Penzin and Alexander Tarasov

AP: In recent times, the Left has been talking about “resistance”. Ranging from the names of activist groups to the texts of the Leftist press, “resistance” is everywhere. Is this simply a moral position? That is, under the new rigid conditions of neo-liberalism, just when it seemed that all was lost, we will continue to stand up for what we believe is right. If we articulate our resistance in the sphere of culture or in everyday life, it is because we don’t have the possibility for expressing our protest in politics, not to mention for changing the situation in any cardinal way through our actions. To me, this seems like a hidden trap. First of all, we derive a colossal amount of narcissist pleasure for our (supposed) non-conformism; second of all, we receive rather tangible bonuses, finding our selves in the system one way or another...

AT: Historically, as we know, the term is connected to the Second World War and with the French resistance to the Fascist occupation. The situation was as follows: the movement’s founding members understood that they personally would not be able to count on victory. As the main theoretician of the Résistance, Sartre explained that this was “the uprising of conscience” or “the moral uprising”. Either you lose your sense of self, trampling your own dignity underfoot, or you resist. The philosophical basis for the Résistance was not speculative, but was born in praxis. In France, the first few waves of the Résistance were completely swept away by the Fascists; everybody was arrested or killed. It was only later that the Résistance was able to establish an underground network, an infrastructure, when the Maquis formed as partisan brigades in the forests of unoccupied France etc. But in the beginning, the R?istance was a feat of desperation. This – heroic – understanding of resistance has not grown obsolete in any way; it is still relevant today.

AP: But is this strictly ethical interpretation really all that productive? Are there any other ways of thinking resistance? For an example, one could create different logical relations between “resistance” and “revolutionary struggle”. One could oppose them to one another, negating one and bringing the other to forefront. One could speak of resistance as a kind of hidden petit bourgeois conformism. One could also accuse the advocates of revolutionary struggle of irresponsible utopianism and phraseology. Or, then again, one could see both them “dialectically”, as different phases in one and the same process. Which position do you feel closest to and how would you substantiate it?

AT: Today, the word “resistance” is used by all sorts of people, balancing out its meaning. In reality, there are three forms of countering power, the regime, the repressive institutions, the triumph of capitalism – whatever you want to call the Powers that Be. These are: 1. opposition, 2. resistance, and 3. revolution. Opposition is when you speak out “against” but within the framework of the System, when you are ready to play according to its rules. You can be as radical as you like in your critique, but until you stop acting according to the rules, you will only be in opposition, nothing more. Opposition has no perspective. The rules themselves are made to ensure the System’s victory; they have been formulated to make the opponent lose. If he “wins” – i.e. takes power – he is reborn completely in a form that is no longer dangerous, as a nominal opponent. Parliamentary struggle, which many people among the Left love so much, is a classical example. Resistance is when you stop playing according to the System’s rules and begin to create zones, gardens, territories, where the rules of the System are no longer in direct operation – places where they can’t force you to obey...

AP: This sounds a lot like the popular anarchist idea of “autonomous zones”.

Элин Викстром | Videofit-UP

расширенную версию текста можно найти на www.chtodelat.org

Когда я получила приглашение поучаствовать в групповой выставке North в венской Кунстхалле, все газеты писали о Йорге Хайдере и новом право-экстремистском правительстве Австрии. В арт-среде циркулировало электронное письмо, ставящее вопрос: *Стали бы Вы выставлаться в нацистской Германии?*

Я приехала первый раз в Вену в марте 2000 года, с тем чтобы принять решение, должна ли я участвовать в выставке. Мое желание выяснить взаимоотношения арт-галереи и нового правительства было поддержано сотрудниками галереи. То, что произошло в Австрии за последние пять лет – не только австрийская проблем. Ситуация с Хайдером симптоматична для политической ситуации по всей Европе и актуальна для всех нас. Я решила участвовать в выставке North.

Второй раз я прибыла в Вену в мае 2000. Немного страшно было быть иностранцем в стране, каждый четвертый житель которой проголосовал за нео-нацистов. Но я знала, что существует и сопротивление. Несмотря на то, что демонстрации в Австрии проходят редко, после выборов крупнейшие из них собирали более 100 тысяч человек. Австрийские СМИ в большей или меньшей степени являются правительственными органами, так что они не сообщали даже о самых больших демонстрациях: я же хотела найти людей, делавших маленькие, почти невидимые дела – не героев, не жертв, не тех, кто ожидает славы за то, что он делает. Таких, кто поступает так или иначе, так как чувствует что должен.

Дитер, кто активно участвовал в движении сопротивления с самого начала, стал моим ассистентом. Каждому из 15 человек, участвовавших в проекте, было предоставлено 3-5 минут перед видео-камерой Дитера, для рассказа о том, что, как и почему они делают. Им также надо было предоставить некий видеоряд, снятый наподобие рекламы своих действий. Я не буду описывать проекты всех людей, который мы документировали, но я упомяну один из них. Я услышала, что несколько студентов в арт-колледже в Вене заняли актовый зал в знак протеста.

AT: No, not really. Hakim Bey’s idea is complete nonsense. The purest paradigm of resistance can be found in the partisan brigade, where the rules of the opponent are no longer in effect. The same could be said of the underground. You could also see the creation of theories that the opponent cannot understand similarly. To speak in the “old” language of the Frankfurt School rather than the new language of the “autonomous” anarchists, you are autonomous when you are no longer transparent. The underground is the zone of opacity. Power can only guess at what is going on down there; it can only be certain in retrospect, more or less, but it cannot really influence these processes. Whenever such zones that are opaque to power take arms to defend themselves actively against the System’s attempts to liquidate them, this is real resistance. Resistance is all about the creation and defense of such zones.

AP: So how is it possible to speak about revolution, using the notions that you have suggested as a point of departure?

AT: When the opponent begins his strategic offensive and you defend yourself, this is still resistance. But when you take the strategic offensive, this is already revolution. There is a direct connection between revolution and resistance; it is often difficult to catch the moment in which one becomes the other. I’ll give you an historical example. When the narodniki (=an agrarian socialist movement active from the 1860s to the end of the 19th century) formed an underground and worked out their own theories, this was already resistance, because they weren’t living according to the System’s rules. According to the rules of the System, in legal life, they were students, teachers or whatever. When they “went to the people” (=to teach, provide health-care, and politically educate), they were also still resisting, because they were simply trying to expand the zone that wasn’t under governmental control. But when the People’s Will faction took up the tactics of terrorist struggle with the goal of forcing the government to ratify a constitution – this was their concrete goal – they had already become revolutionaries. When the Social Revolutionaries and the Social Democrats began to set up their circles, they already began at quite a high stage of resistance, because they were setting up their circles in the underground. This phase lasted up to 1905, when the underground took up its strategic offensive.

AP: But you wouldn’t say that the forms of struggle you’ve spoken of – opposition, resistance, revolution – are simply stages in a “dialectic” process?

AT: These forms can appear as sequential steps of one and the same process, but they can also fail to appear completely. It all depends on the concrete situation. As I have already said, there is a direct connection between resistance and revolution. Opposition and parliamentary struggles can go on for ever. But the opposition can find itself in symbiosis with the resistance: consider, for an example, the relationship between Shin-Fain and the IRA, or, much earlier, the Social Revolutionaries’ underground party (including the Combat Organization), which had ties with the legal Duma party of the “People’s Socialists”. This kind of thing happens when the state finds itself in a situation in which it cannot prohibit such tactical means of cooperation, or when it actually hopes to “illuminate” the underground with its help. Both sides attempt to emerge victorious from the legal battleground.

AP: It is hardly any coincidence that the word “resistance” was born during the war. In your analysis, you constantly use military terminology.

AT: Struggle does not always necessarily mean armed struggle. But resistance leads to “war” because when you stop following the System’s rules, you become a “social separatist”. The System cannot allow this to happen by instinct, just like an instinctively bourgeois state cannot allow geographical “separatism”.

AP: Can one see resistance in different registers or phases?

AT: Certainly. The first stage – preceding the formation of circles – is when people become conscious of their situations through analysis and the formation theories. The second stage begins with the constitution of underground groups, such as little circles or cells. While they are often not yet active politically, they develop ideologies and strategies. Later, they find one another and unite in a certain “nation-wide” structure, although this structure doesn’t have to be a political party. Each historical stage has produced its own adequate, successful form of revolutionary organization. They vary greatly, from the clubs at the time of the French Revolution to the partisans of the Sandinista, for an example. The forms changes because the System will always find ways of fighting against every new type of revolutionary grouping. These concrete forms of revolutionary organization become obsolete as soon as the System is able to find the proper antidote. They are all formed through experimentation. Why were the revolutionary clubs of the French Revolution so effective? Because they discussed politics publicly; the politics of the “ancien regime” took place backstage; its actors were not capable of appearing in public polemics. So why did the clubs become ineffective later on? Because the regime found an antidote, namely prohibition: it was possible to prohibit and disband them without any trouble at all. The revolutionary process had run into a dead-end until the invention of new forms of revolutionary organization – the Carbonari, for an instance, who were successful in their revolutionary activity throughout the 1820-30s. The system didn’t know how to fight against these groups until it created a network of secret services, all of them in competition with one another. This is purely empirical fact. The moment a previous paradigm collapses, it forces the search for a new paradigm. You search for this new paradigm by sacrificing yourself, becoming the subject of your own experiment, testing what will be capable of destroying the system through trial and error. This demands much personal bravery. It was impossible to destroy the underground completely, because this place gathered people with moral qualities that the agents of the System did not have.

AP: How would you assess the small groups of left-wing activists – Trotskyites, anarchists – in today’s Russia? They are in fact quite active, and they certainly don’t play “parliamentary games”. Have they reached the phase of resistance?

AT: While they may not play the parliamentary game, they have not been capable of creating their own zone of opacity. They are completely transparent, besieged by intelligence agencies, riddled with informers. When it became necessary to arrest Limonov (=Russian poet, leader of the National Bolshevik Party), they were able to take him right away. It turned out that his apartment was crawling with “bugs” and that his party’s leadership had been infiltrated by a provocateur. The only case of resistance on post-Soviet territory took place in Transdnistria. They were the first ones to overthrow the Soviet bureaucracy. It was because of this situation that the worker’s collectives practically were able to take power into their own hands and proved capable of resisting when the Soviet nomenclatura tried to dictate the rules of fair play. But for this situation to become something with a greater perspective, they had to present a viable social alternative and take the strategic offensive, which they were not able to do.

AP: Opacity is an important criterion.

AT: No doubt it is, because in fact, the other side is just as opaque to the forces of revolution and to the population at large. The intelligence agencies operate as legal underground organizations, armed to the teeth. They have the legal right to use “underground” force.

AP: So what exactly is the problem under today’s conditions? What is preventing real hotbeds of authentic resistance from appearing? Is it the tactical concentration

of the forces of observation and control, or is there some deeper historical reason?

AT: I think it’s the absence of revolutionary experience, of any revolutionary tradition. In the case of the Bolsheviks and their allies, this tradition went way back to the 1860s. The revolution was preceded by over half a century of resistance. After all, we live under pathological conditions. The counterrevolution has triumphed for nearly a century, beginning with Stalin’s Thermidore from 1927 to 1937. The revolutionary tradition has been drying up since more than 70 years. Right now, we are confronted with a strange situation. On the one hand, the Left is practically thrown back into the stage preceding the formation of circles, although there are all kinds of ostensibly left-wing political parties here (beginning with the KPRF, Russia’s Communist Party), which attract all of the people’s oppositional feeling. Even the tiniest groups dreams of becoming a political party ala KPRF, not even considering the question of whether the party might not be an obsolete form of revolutionary organization. Today, any underground community has reached a higher stage of development than these legal parties.

AP: You’ve made a rather serious correction to the notion of resistance. It doesn’t sound at all like the way it is used in the ideology of the academic Left.

AT: Their “resistance” is nothing but pure opposition. They are playing a game on enemy territory, according to their opponent’s rules. All of these games are doomed to failure and can only supply the player with some kind of moral satisfaction, with the illusion that he is still “clean” in some way.

AP: How do you tell which technologies from the huge archive of resistance are still valid or revolutionary today?

AT: Everything is decided by trial-and-error. You have to experiment. You also have to remember that the situation in general is changing; the opponent is equipped with new technologies. By the same token, it’s obvious that the previous paradigm has exhausted itself. The movement of the Left is a state of creative crisis. 1968 was the manifestation of the Left’s crisis, the moment in which the crisis made its first appearance. By 1968, a new generation of Leftists had come of age. They didn’t want to entertain theories that were outdated, and they didn’t accept organizational forms that had already been established and ossified in the 1920s and 1930s. But this generation was not able to suggest new effective forms because it was marginal even to the world of the Left at large. 1968 is a flare-up that indicates the end of an historical cycle. What follows, from roughly 1975 onward, is nothing but degradation. Even “antiglobalism” is hardly a way out or a new rise of the Left, as some claim. Quite on the contrary: the “antiglobalist” movement took on its shape because the forces of social reaction and neoliberalism turned out to be so powerful and aggressive that they herded all of their Leftist opponents onto a tiny reservation, where they were forced to notice one another and to begin working together. This is not a result of “the easy life”, but a symptom of crisis. But crisis is a good state to be in, because it is the only thing that makes development possible.

Moscow, 28.07.2004.

По прошествии пары недель, приехали представители телекомпании и попросили разрешение на несколько часов использовать актовый зал для съемок эпизода детективного сериала. Студенты разрешили подкупить себя. Но когда подъехали съемочная группа и актеры, студенты стащили кое-какое оборудование, что означало, что съемки продлятся в два раза больше и телекомпании придется еще раскошелиться. Студенты затем использовали полученные деньги для освобождения друзей, задержанных после большой демонстрации перед зданием телекомпании. Однако, вместо того чтобы рассказать об этом, они захотели сделать что-то другое для моего проекта. Они пригласили меня и Дитера на вечеринку. Аскам проинструктировал нас и еще дюжину студентов, как сделать Молотов коктейль, и ночью мы отправились в каменоломню, с тем чтобы научиться зажигать и бросать их. Из всего этого мы сделали фильм-инструктаж. В качестве рекламного блока мы запустили рекламу круглосуточной автозаправки Шелл, на которой человек покупал две банки бензина и одну банку пива.

В отведенной нам части Кунстхалле я и мои ассистенты устроили семинар. Каждым вечером мы записывали два художественных фильма с австрийского телевидения, и на следующий день мы их редактировали, вставив рекламные блоки, также записанные с телевидения через 10 минут после

начала фильма и за 10 минут до его конца. Затем посреди фильма мы вмонтировали описание некоторых из 15 акций протеста, а в рекламные блоки вставили рекламу акций. Отредактированные таким образом кассеты мы вложили в коробки. Следующим вечером я и мои ассистенты вынесли кассеты в белых пакетах и оставили их на скамейках в парках, на столиках кафе, на сиденьях в метро – с тем чтобы создать впечатление, что их кто-то забыл. Я надеялась, что тот кто их найдет, посмотрит видео. Всего было произведено и распространено 250 Videofit-UP видеокассет.

Мы не стали показывать фильмы (всего мы сделали 15) и рекламную нарезку в галерее. Вместо этого мы показали фильм о ситуации, в которую мы с Дитером попали по ходу выполнения нашего исследования. Незадолго до начала демонстрации на Хельденплатц неожиданно появился человек с мегафоном, который начал кричать, что прошлым вечером в ходе рейда на клуб в иммигрантском районе полиция застрелила насмерть молодого человека. Анархисты начали маршировать по направлению к полицейскому участку, скандируя «убийцы, убийцы, убийцы». Мы с Дитером следовали за ними, снимая происходящее. Внезапно нас окружили сотни полицейских. Наши фильмы показывают, как поведение полиции вновь привело к пролитой крови. Возникшие слухи о фильме, привели к возбуждению судебного дела против полицейских по обвинению в насилии. Между нашим фильмом и теми кадрами, которые показали потом на телевидении, существовала огромная разница. Съемочная группа приехала на место событий, когда большая часть беспорядков уже была позади.

Jörgen Gassilewski | Détournement of events and situations in Gothenburg, Sweden 1961 and 2001

This text is a détournement of Jonas (J) Magnussons “Avantgardet ger inte upp” (plagiat och détournement hos Lautréamont, Wolman, Jorn, Debord.) [“The Avant-garde Never Gives Up” (the plagiarism and détournement of Lautréamont, Wolman, Jorn, Debord.)] in the poetry magazine OEI 15/16/17, 2003/2004 - and my own novel Göteborgshändelserna (The Gothenburg Events), which will be published in autumn 2005 and deals with the riots and police fire in connection with the visit of George W Bush and the summit meeting of the EU in Gothenburg 14-16 of June 2001. The main part of the novel takes place during and around the occupation of Hvitfeldtska Upper Secondary School. /J.G./

I was born in Gothenburg in 1961. In 1961 also the so called First Situationist International had a meeting in Gothenburg. A meeting which divided the movement and in which the politicizing branch with Guy Debord at the head emerged victorious from the battle. The artistic branch, lead by Danish artist Asger Jorn, had no choice but to create a Second Situationist International. In the two books Fin de Copenhague (1957) and Mémoires (1958) Guy Debord and Asger Jorn had been in close cooperation. I was in Gothenburg 14-16 of June 2001 during the riots and police fire in connection with the visit of George W Bush and the summit meeting of the EU.

Moist dusty air bed-smellgood against lips. Inside the classroom with the lamp in the ceiling and the air bed. In a cupboard in the classroom T-Yellow finds some food which he splits with the others on other air beds in the classroom. T-Yellow is autonomous. He leaves the description of himself to others. He doesn’t care. He leaves the precedence of interpretation open. He says what he wants to say. He dresses like he wants to dress. He has the opinions he wants to have. He is autonomous. This is the very secret of the autonomous. This is the very secret of Antifascist Action. They can be for non-violence or for violence. They can be for masking or for non-masking. They can have series of different opinions. They can be a part of a range of different organisations. It is a mode of action. They are autonomous. What they have in common is action. They are autonomous and they gather for a united action and then become autonomous again or they are autonomous all the time and gather

for a for the time being united action during which they continue to be autonomous and become after completed action autonomous in the way they certainly have been all the time. T-Yellow is autonomous. He does what he wants to do. Antifascist Action is against sexism, homophobia, racism, capitalism and fascism. T-Yellow is autonomous. He lets nobody represent him and he neither represents nobody else. Antifascist Action was founded in the beginning of the nineties after the RAF and it was something new and totally different and the triple oppression theory was new and now you couldn’t just derive racism and patriarchy from capitalism but also capitalism and patriarchy from racism and capitalism and racism from patriarchy. Consequently they are detached phenomena. And people are too. Autonomous. They only represent themselves and can only represent themselves. T-Yellow is autonomous.

In 1958 Jorn and Debord summarize a period of intense co-operation in the book Mémoires, the second and more complex of the two books they did together (the first one is Fin de Copenhague, 1957, a commentary on consumption society through detoured comic strips, commercial slogans etc.) Mémoires, which (like Fin de Copenhague) without exceptions is composed out of borrowed phrases, is a book that becomes especially important in relation to this archival strategy: with its white pages powdered by photographic reproductions, anonymous fragments of text taken from a wide range of contexts and Jorns radiant red, blue, pink, green smudges of colour (that, according to Gilman, “objectivates ‘the sublime’ as powerless stains”) the book resembles a Situationist dérive, a blueprint or a map of the urban strolling of the Situationists. But at the same time as it constitutes a map, a basis for activity, it is also a memory - the memory of the early years of the Lettrist International, 1952-53. Rather than describing events and desires, Mémoires tells about the external circumstances which is required in order to formulate these moments past. It tells about where, when and how, but not what. Alienated from the original locality which it translates, the book turns into its own structural space, with specific material conditions: “The passion of speaking and remembering rests on a material ground”, as it reads on one of the pages of the book. The book becomes a leveling surface where Jorns smudges of color, printed text and photographic reproductions unite in a banal equivalence. Make no mistake about the reference to Pollock in Jorns use of paint, but at the same time the photo-litographic drips and splashes undermine the rhetoric of gestical authenticity that surrounds Pollocks work. And in contrast to the photos of Heartfield, which interrupt the dense, painted levels in which they are inserted, Mémoires reduces everything - including the painted traces - to the photographic condition, where no gesture can be differentiated from another - an inability to detach or interrupt that is underlined through the frenetic smudges that is layered upon but, in the same fashion as in Jorns detoured paintings, neither conceals nor wipes out the text underneath. Attempts to spontaneous expression, as in dadaistic collage-poems or the Parole in Libertà of futurism, is replaced by the codified, graphical signs that characterise the structure of this book: a memory of the archive that gathers together the epoch itself, which is the framework of the Situationist work as a whole.

So Guy Debord and Asger Jorn went separate ways. Climax and collapse of the politicising First Situationist International was the events of May 1968. For the part of The First Situationist International it started in 1966, when the student union at Strasbourg University approached them to write a critique of student life - it was to be the pamphlet “On the Poverty of Student Life”, which called for a revolt by students. In 1968 The First Situationist International took part in the occupation of Sorbonne University. The police tried to take back the Sorbonne and a riot ensued followed by a general strike with up to ten million workers participating. The Situationists distributed calls for the occupation of factories and the formation of workers’ councils. Disillusioned with the students the Situationists soon left the university to set up the C.M.D.O., The Council for the Maintenance of the Occupations, which distributed the Situationist demands on a much wider scale. The government and the unions agreed a deal but no one went back to work. It was only after de Gaulle had threatened to start a civil war and the army was deployed on the streets of Paris that the strike did fizzle out. The police took back the Sorbonne and the C.M.D.O. disbanded. The First Situationist International never recovered but died out of itself in 1972.

Around seven in the evening Ya Basta had their non-violence training at the gym. They were preparing for the intrusion event at Svenska Mjssan Friday morning dressed in white to symbolize the rejected and those who disliked the symbolic of course were welcome to dress up in an overall in a color of their own choice and at the forefront of the march there would be 8000 balloons in all colors you can possibly imagine which the police had to crush before they could get to the demonstrators. I almost felt nostalgic. And they told us that The White Overalls was a mode of action which in Gothenburg was represented by Globalization from Beneath and Ya Basta from Finland and that they were of ancient lineage back to when Ya Basta from Italy got the honorary task of being the bodyguard of Subcomandante Marcos when the caravan was bound for Mexico City to end 500 years of American Indian repression. I felt nostalgic. In the same way Subcomandante Marcos is faceless white overalls are a symbol of invisibility and disobedience a symbol open to all who wish to wander and ask act peacefully in public space and revolt against injustice by using the body of one’s own as a weapon white overalls are not a sign of ideology the central principles of the white overalls are crystallised in Zapatism the white overalls is a horizontal movement in which all have the opportunity to participate clothed in Zapatist terms the main principle of the white overalls is to wander asking and to decide obediently and to obey decisively the white overalls are not craving for political power but want to act in favor of a change of society here and now white overalls also symbolize the change of society into an information and service community the blue collars

change into white productive work and resistance are no longer restricted to the factories but reaches out over the whole tissue of society thus the white overalls symbolize a new subject of production a subject whose work more and more seldom is traditional blue-collar work and more and more often is renewing and communicative caring intellectual work beyond matter the body is the subject and object of the political struggle the body is a weapon in the activity of the white overalls the analysis of Michel Foucault and the concept of bio-politics of feminism is crystallized refugees without valid papers.

Kritik und Praxis | Reform or Revolution?

A complete, uncut version of this text can be found on www. chtodelat.org

In answering the question of “Reform or Revolution”, Rosa Luxemburg saw “the idea of transforming the sea of capitalist bitterness into a sweet socialist ocean by adding social-reformist lemonade bottle-by-bottle” as something both tasteless and fantastic. With her critique of Bernstein and the reformist faction of Social Democracy in 1899/1900, Rosa Luxemburg opened a debate that eventually produced two political camps, each of which claimed the sole right of leading the working class. By today, the question “Reform or Revolution” almost sounds impious; both historical titans have shrunk and become touching old men.

Unlike its antipodes – Social Democracy and Communism – capitalism has emerged from the fray looking refreshed and rejuvenated. In need of constant crisis, it now forces billions of people into

squallor and war. The current “modernizations”, designed to ward off the crisis’ effects, are in the process of eroding the achievements of reformed capitalism. Since the idea of domesticated product-society – an idea that inspired both revolutionaries and reformers – has proven inappropriate for overcoming capitalism, anti-capitalism once again faces the question of how to think a society without a market and without a state?

The success of the new anti-capitalist movement does not really depend on all of the refined means of appropriating power through propaganda. Left wing criticism does not only need to prove that today’s mainstream points of reference – liberalism and conversatism – have always fallen short of emancipation’s final goal. Instead, it needs to decompose their increasingly repressive dogmata, whose stability stems from the hopeless affirmation of utopia’s failure. Will it be able to formulate alternatives that go beyond simple outrage? Thinking beyond capitalism is the goal of any revolutionary movement today.

Йорген Гассилевски | Détournement событий и ситуаций в Гетеборге: 1961 и 2001

Я родился в Гетеборге в 1961 году. В том же году в Гетеборге собрался так называемый «Первый Ситуационистский Интернационал». Событие, которое раскололо движение и из которого победителем вышло политизированное крыло во главе с Ги Дебором. Художественному крылу, руководимому датским художником Асгером Йорном, ничего другого не оставалось, как создать Второй Ситуационистский Интернационал. Над двумя своими книгами, *Fin de Copenhague* (1957) и *Mémoires* (1958), Ги Дебор и Асгер Йорн работали в тесном сотрудничестве.

Влажный пыльный надувной матрас хорошо пахнет, я утыкаюсь в него лицом. В школьном классе с лампой под потолком и надувным матрасом. Там в шкафу Желтый Т находит какую-то еду, которую он делит с другими на других надувных матрасах. Желтый Т самостийен. Он предоставляет другим описывать себя. Ему наплевать. Он оставляет прерогативу интерпретации другим. Он говорит то, что он хочет сказать. Он одевается так, как он хочет одеваться. У него имеются взгляды, которые он хочет иметь. Он автономен. В этом весь секрет автономности. В этом весь секрет Антифашистского Действия. Они могут быть за ненасилие или за насилие. Они могут быть за маскировку или за немаскировку. У них может быть множество разных мнений. Они могут быть частью целого ряда различных организаций. В этом метод действия. Они автономны. Объединяет их – действие. Они автономны и они собрались для объединенного действия и потом станут автономными вновь, или они автономны все время и собрались на данный момент, момент объединенного действия, на протяжении которого они продолжают быть автономными и станут – после того, как действие завершится – автономными, каким они и были все это время. Желтый Т автономен. Он делает то, что он хочет делать. Антифашистское Действие – против сексизма, гомофобии, расизма, капитализма и фашизма. Желтый Т автономен. Он никому не позволяет представлять за себя и сам никого не представляет. Антифашистское Действие было основано в начале девяностых после РАФ, в нем было что-то новое и совершенно отличное, и теория тройного угнетения была нова, и вы не могли просто так вывести расизм и патриархат из капитализма, равно как и капитализм и патриархат из расизма и капитализм и расизм из патриархата. Следовательно, все это отдельные явления. Как и люди. Автономные. Они представляют лишь за себя и могут представлять лишь за

Около семи вечера «Йа Баста» провели в гимнастическом зале тренировку по ненасильственным действиям. Они готовились к проникновению на Svenska Mässan в пятницу утром, одетые в белое, символизирующее отверженных, а те, кому не по нутру символизм, могли, конечно же, одеться в разноцветные комбинезоны по своему усмотрению, а впереди демонстрации взметнутся 8000 воздушных шаров, всех цветов, какие только можно вообразить, шаров, которые полиция вынуждена будет смять, прежде чем доберется до демонстрантов. Я почти испытываю ностальгию. И они сказали нам, что «Белые Комбинезоны» – это образ действия, который в Гетеборге был представлен «Глобализацией Снизу» и «Йа Бастой» из Финляндии и, что у них древняя родословная, восходящая ко времени, когда «Йа Баста» из Италии получила почетное задание быть телохранителем субкоманданте Маркоса, когда караван направлялся к Мехико, дабы покончить с пятисотлетним угнетением американских индейцев. Я чувствую ностальгию. Так же, как субкоманданте Маркос не имеет лица, «Белые Комбинезоны» – это символ невидимости и неповиновения, символ, открытый всем, кто хочет странствовать и требует действовать мирно в публичном пространстве и восставать против несправедливости, используя собственное тело как оружие. «Белые Комбинезоны» это не знак идеологии. Главные принципы «Белых Комбинезонов» сосредоточены в сапатизме, «Белые Комбинезоны» - это горизонтальное движение, в котором у всех есть возможность участвовать, облеченный в сапатистский язык основной принцип «Белые Комбинезоны» – странствовать требуя, решать послушно, слушаться решительно. «Белые Комбинезоны» не стремятся к политической власти, но хотят действовать во имя изменения общества здесь и сейчас. «Белые Комбинезоны» также символизируют переход общества к информационному и обслуживающему. Синие воротнички сменились белыми: производительный труд и сопротивление больше уже не ограничены заводами, но распространяются по всей ткани общества. Таким образом «Белые Комбинезоны» символизируют нового субъекта производства – субъекта, чей труд все реже и реже является традиционным трудом рабочих, а все чаще и чаще обновляющимся и коммуникативным социальным, интеллектуальным, нематериальным трудом. Тело - это субъект и объект политической борьбы, тело - это оружие в деле «Белых Комбинезонов», как и анализ Мишеля Фуко и понятие феминисткой биополитики кристаллизуются в самых отверженных, тех кто живет «без документов».

Kritik und Praxis | Reform or Revolution?

Полную версию текста можно найти на сайте www.chtodelat.org

Отвечая на вопрос «Реформа или революция?», Роза Люксембург считала плоской и надуманной «идею превращения моря капиталистической горечи в океан социалистической сладости через постепенное вливание социал-реформистского лимонада». Своей критикой Бернштейна и реформистской фракции социал-демократического движения в 1899-1900 годах Роза Люксембург открыла дебаты, в ходе которых, в конце концов сформировались два политических лагеря, и каждый претендовал на то, чтобы единолично вести за собой рабочий класс. Но сегодня вопрос «Реформы или революция?» звучит почти что кошунственно; оба этих исторических титана, Люксембург и Бернштейн, с течением времени потеряли свой масштаб и теперь кажутся просто трогательными пожилыми людьми. В отличие от своих антиподов – коммунизма и социал-демократии – тот капитализм, который родился на фоне этих споров, смотрится свежим и помолодевшим. Постоянно нуждаясь в

кризисе, ныне он вынуждает миллионы людей жить в условиях войны и нищеты. Текущая «модернизация», задуманная для того, чтобы погасить эффекты этого кризиса, оборачивается постепенным отказом от завоеваний реформаторов капитализма. Поскольку идея прозрачного управляемого общества, раскрепостившего свои производительные силы, - идея, которая вдохновляла как революционеров, так и реформаторов, - продемонстрировала свою неэффективность в условиях укрепившего свои позиции капитализма, антикапиталистическое движение снова сталкивается с тем же вопросом: как мыслить общество без рынка и без государства? Победа нового антикапиталистического движения в действительности не зависит от изощренности агитации и средств захвата власти. Критике слева не нужно не только доказать, что основные силы современности – либерализм и консерватизм – уже проиграли, не достигнув конечной цели эмансипации. Помимо этого, необходимо разрушить их все более репрессивную догматику, которая основывается на пессимистическом утверждении несбыточности утопий. Хотя нам еще предстоит критически рассмотреть аргументы в пользу этой несбыточности, наиболее серьезный вызов для нового антикапиталистического движения состоит в необходимости выработки критики, которая вела бы за пределы капиталистического общества. Таи или иначе, следует идти в этом направлении, сохраняя верность принципам самостоятельного критического мышления и экстериорности существующему порядку.

Александр Скидан / Давид Рифф | Годар Number Nine

Начиная с 60-х, Годара неотступно преследовали с «вопросом ребром», кто же он такой: революционный порнограф или порнограф революции? Еще один Битл (см. «Общество Зрелищ»)? «Маостский лжец» (Дебор)? Или же действительно величайший революционер кино? Не открывает ли ранняя эстетика Годара пути для нового понимания того, чем на деле является политика? Был ли он способен систематизировать эти новые смыслы, включить их в свой кинематографический анти-нарратив, предназначенный пережить Термидор?

Итак, порнография или политика? Революция или сопротивление? В «Номере Два» Годар сам задается этим вопросом: «Политический фильм? он не политический, он порнографический. Нет, он не порнографический, он политический. Так все же он о порнографии или политике? Почему фильм должен быть или/или? Иногда он может быть и тем, и другим» («Номер два», 1975). В этих словах сконцентрировано сопротивление Годара любым готовым определениям, сопротивление, присущее его работе с самого начала. Он порывает с логикой исключения: не или/или, а и то, и другое (и третье, и четвертое...). Делез: «”И” не только расшатывает все отношения, он расшатывает существительное, глагол и т. д. “И”, это “и... и... и...” , и есть творческое заикание, использование своего языка как иностранного, в противоположность его согласованному и господствующему использованию, основанному на глаголе “быть”»

Революция и сопротивление. Ангажированность и самоирония. Еще раз: «...этот фильм не левый или правый, а передний и задний... Впереди дети. Сзади правительство» («Номер два»). Ну да, звучит несколько на анальный манер. Но в конце концов, на дворе 1975 год, меланхолия и похмелье, работа траура по Маю 68-го: у героини запор, муж предлагает ей слабительное, она его отвергает. Неспособный выдать из себя капиталистическое кино Годар? Сопротивление, страдающее запором? Пришествие анальной эпохи непорочного зачатия (вновь Делез)? Апофеоз сопротивляющейся порнографии? Или же подлинная революция? И вновь, и то и другое разом.

Одновременность пронизывает фильмы Годара. Уже «Маленький солдат» (1959), посвященный войне Алжира за независимость и запрещенный к показу французской цензурой, это и острозлободневная политическая, и экзистенциальная драма, и любовная история, и триллер, и манифест. Невероятный адогматизм. Все возможно, не только переизобретение киноязыка, но и радикальное испытание его эстетических, политических, социо-культурных, этических и эротических условий. Однако, странным образом, Годар очень быстро уходит в тень – сложность его более поздних фильмов превращает их просмотр в настоящее мучение. Вместе с «Безумным Пьеро» (1965) он по сути убивает себя, подобно Фердинанду (Бельмондо), обвязывающему голову динамитными шашками.

Начиная с «Две или три вещи, которые я знаю о ней» (1966), Годар превращает фильм в лабораторное исследование. Работает ли он подобно ученому? Безусловно, особенно если принять декларацию «здоровой методологической анархии» Фейерабанда: фильм исследует разом и общество, и саму природу кино. Почему бы и нет? Он создает свой «инструментарий», свою «модель для сборки», соединяя несоединимое: художественность и документальность, спонтанность и дидактизм, чувственность и абстрактность, «низкую» повседневность и таинство. Ни сюжета, ни персонажей в привычном понимании, звук и изображение не совпадают, действие движется асинхронно, голос за кадром и текстовые врезки комментируют происходящее, предметом изображения зачастую является сам процесс создания фильма. Экспериментируя с приемами научно-популярного кино, Годар показывает то, что обычно тщательно скрывается: техническую, сугубо «прозаическую» сторону кинопроизводства, вплоть до изнуряющей работы за монтажным столом и чеков, выписанных статистам. Обращение к технике в ее предельной материальности дезавуирует кино как процесс истины в категориях отчуждения и общественного труда, и одновременно, тем же махом, деконструирует эти категории, растворяя их в стихии творчества, страсти.

В «Страсти» (1981) есть эпизод, когда уволенная с завода без выходного пособия Изабель (Изабель Юппер) обсуждает с другими работницами условия труда на заводе и возможные способы борьбы с хозяином за свои права (перед этим мы видим, как польский режиссер

Ежи (Ежи Радзивилович), работающий по найму для французского телевидения, снимает в павильоне «Ночной дозор» Рембрандта). Женщины наперебой предлагают что-то вроде петиции в защиту несправедливо уволенной Изабель. При этом камера показывает нам не того, кто говорит, а задерживается на лицах тех, кто слушает: фразы (по большей части это переиначенные революционные лозунги или цитаты, вроде «Слова, которые потрясут мир» или «Бедность – это богатство народов») словно бы повисают в воздухе, «между» присутствующими, не принадлежа никому. Этот «коммунизм» речи парадоксальным образом оттенен заиканием Изабель, а также одним из лозунгов, всплывающим в разговоре: «Ночь Пролетариата», рифмующимся с «Ночным дозором»; освещение сцены, в свою очередь, неуловимо, мучительно рембрантовское, и в конце, когда одна из женщин вдруг начинает говорить о работе как о чем-то интимном, включается фонограмма, и мы слышим... нет, не Интернационал, а приглушенный «Реквием» Моцарта.

И внезапно мы оказываемся *внутри* изображения. (Важно, конечно, помнить, что режиссер – поляк, что 1981 – это год Солидарности, и что он разрывается между двух стран, как между двух женщин и двух кон(тра)цепций кино, что он войдет в Изабель через монтажный стык с «Успением Богородицы» Эль Греко, причем войдет сзади, «только не оставляй следов», попросит она, единственная близость, единственное доступное движение любви; помнить, что «Страсть», но мы понимаем это лишь после второго, а то и третьего просмотра, рассказывает на своем заикающемся языке, языке «между», о множественности, об любовном и потому революционном разрушении тождества.

Снова Делез: «”И” – это ни одно и ни другое, оно всегда между ними, это граница; всегда есть линия бегства или потока, только ее не видят, потому что она едва доступна восприятию. Именно на этой линии бегства происходят события, совершается становление, зреют революции»

Цитируется из статьи Жиль Делез, Три вопроса о «Шесть раз по две» (Годар); в книге: Переговоры / Пер. с франц. В. Ю. Быстрова. – СПб, «Наука», 2004

Lars Bang Larsen | Anti-immunization

The latest revolutionary moment was 1968, a mutation of the Western world that rode on the combination of an economic boom and youthful resistance to authority. Patriarchal society’s reign over desire and society was overturned, values set adrift and art and politics fused in a convulsive synergy. Things were up in the air, and the different cultural spheres were zapped open and connected by a surplus that allowed for their lateral interaction.

This was the free play of revolutionary forces, but it also represented the fractured surface between old and new forms of behaviour. The decade’s explosion was symptomatic of a civilisation wondering what to do with its affluence, and its new technologies of cybernetics, automation and leisure. The commercial world found that the overlaps between cultural spheres were bankable, their synergy resonant with lifestyle options. The lore of 1968 proved that it was possible to get high, make money and express yourself - all at the same time! As an upheaval affecting most aspects of modern life, the psychedelic revolution was necessarily full of these paradoxes and unclean relations. It liberated ideas and behaviour, but it also paved the way for visions as an industry. In other words, social control developed into a more refined, gaseous presence.

For the cultural revolutionaries of the 1960s, drugs were a powerful means of expressing disaffection, and it was even believed that drugs had intrinsic revolutionary qualities. Since then, drugs have marked everybody’s perception - even those who haven’t used them - but for several reasons they have lost their anti-establishment resonance. Drugs have played out their part in creating progressive sensory environments and modes of perception and have become something you use to start the party, not the revolution.

The latest drug fashion amongst US teenagers is for antidepressant and anti-anxiety medication. Happy pills as a drug scene represent the very opposite trip to ‘progressive’ drug taking - not mind-blowing but anodyne and soothing. Over the years the challenge has shifted from the *free your mind* of the 1960s to a willing sensory reduction that is perhaps just as logical now as the sensory expansion was then: immunise your mind. Obviously, psychedelia is from the point of view of critical rationality highly criticisable. What lesson from the psychedelic revolution is applicable today, then, as a mode of thinking? Psychedelia keeps going, is reactive and viral; orienting itself towards the new. Its resistance never becomes rationalised in static conditions or concepts. In the finest fibres of reality, there is constant movement, a state of alert, a psycho-kinetics.

This flickering ‘everywhere’ of cells and nervous systems is the locus of resistance. It is a hallucination technology that aims to make a lack of rationality in the world productive. It allows all things and bodies to exist in their own right but insists on seeing them simultaneously and in the same space. There are no first and last things but experimentation and invention, multitude and intensity.

Today, power’s strategy towards unwanted imaginaries is to make its subjects and citizens carry that immunization out ourselves through the things we consume and the ways in which we discipline ourselves. To increase the tensions in inner, mental space is to counteract stagnation and exclusion in outer, social space... representation becomes fragmented and ecstatic, spreading out to a point where it risks falling apart because it remains open and always takes place within processes and developments of social space. In order to engage in the reconstruction of the modalities of group being, liberating representations must be atomized, taking into account the world’s simultaneous events and how their trajectories and histories interweave.

Since the 1960s, people have always asked the question whether Godard was a revolutionary pornographer or a pornographer of revolution. Just another Beatle (cf. Spectacular Society, chD 1)? A “Maoist liar”? (Debord). Or was Godard really the one of the greatest revolutionaries of the cinema? Don’t Godard’s early aesthetics provide ways of opening new understandings of what politics actually are? Was he able to codify and transport these new meanings, to encapsulate them within a cinematic anti-narrative made to survive the Thermidore?

So what will it be? Pornography or politics? Revolution or resistance? In Number Two, Godard asks this question himself: “A political film? It’s not political, it’s pornographic. No, it’s not pornographic, it’s political. So what will it be, politics or pornography? Why does a film need to be either/or? Sometimes it can be both one and the other. (“Number Two”, 1975). This little outtake or epigraph crystallizes Godard’s resistance to any ready-made categorization, something that was a dominant within his work from the very beginning. He breaks with the logic of exception: not either/or, nor neither/nor, but one as well as the other (and another and another). Deleuze: “‘And’ does not only unfix all relationships but also shatters substantives and verbs themselves. ‘And’, this ‘and, and, and’, is a creative stutter that uses its language as if it were foreign, in opposition to its dominant usage, based on the verb ‘to be’”.¹

Revolution *and* resistance. Engagement *and* self-irony. Again, Godard’s own syntax: “...This film is neither left nor left, but before and behind (front and back)... Forward, children. The government is behind” (“Number Two”). OK, OK, so it sounds a little anal. But after all, this is 1975, a time of mourning what precious little remained of May 68: the film’s heroine is constipated, the husband offers her some laxatives, which she declines. The resistant Godard, defending himself with inclusion, but unable to expell (shit on) capitalist cinema? Constipated resistance? Or the buckdancing advent of an anal age of immaculate conceptions (Deleuze again)? The apotheosis of resistant pornography? Or a real revolution? Again, both.

Simulateneity has been a dominant throughout Godard’s work. “Le petit soldat” (1959), dedicated to the Algerian war of independance, banned in France, is a topical political drama and an existential

tragedy, and a love story, and a thriller and a manifesto. Unbelievable adogmatism. Everything is possible, not only a reinvention of cinematic language, but a fundamental questioning of its aesthetic and economic and political and socio-cultural and ethical and erotic conditions. But strangely Godard is already in retreat, as his complexity makes him increasingly difficult to watch. By “Pierrot le fou” (1965), he has assassinated *himself*, like Ferdinand (Belmondo) who wraps dynamite around his head. So long Marianne!

By “Two or Three Things I Know About Her” (1966), Godard has transformed the film into a laboratory. Is he working as a scientist? Ultimately yes, especially if you accept Feyerabend’s proclamation of “healthy methodological anarchy”: film can enquire into both society and its own aesthetic nature. Why not? It can create its “toolkit” in adhoc hypotheses, combining the incongruous: aestheticism and documentalism, sponteneity and didactic method, sensuality and abstraction, trivia and eternal secrets. You don’t need a plot, you don’t even need characters. After all, you can decode everything in comments and off-screen narratives that all point toward the actual object, which consists the process of making the film itself. Experimenting with the didactic means of popular-scientific film, Godard uncovers the strictly “prosaic” side of film-making, from the endlessly monotonous hours over the editing table down to writing out checks for extras. This material sensibility reveals the film as a truth procedure of alienated social reproduction, but at the same time, it also deconstructs these categories, dissolving them in poetry and passion.

In “Passion” (1981), there is a scene where, upon being fired, the young factory worker Isabel (Isabel Huppert) meets with other workers to discuss the conditions of labor in the factory and the possibilities for fighting against the owner for their rights. (Before this scene, we saw how the Polish film director Jerzy (Jerzy Radziwilowicz) is working on his commission to to film a picture in the style of the great painters—he was working on a version of Rembrandt’s “Nightwatch”.) The women come to the vocal conclusion to sign a petition in defense of Isabelle. Yet the camera remains fixed on the faces of the listeners. They hear political phraseology, revolutionary quotes that hang in the air, belonging to everyone and no-one at once. This “communism” of speech is paradoxically overshadowed by one of these slogans, namely “The Night of the Proletariate”: it immediately becomes obvious that the scene meticulously Rembrantian in its lighting. As one of the women begins to speak of labor as something intimate, and then the music begins, Mozart’s muted “Requiem”, not the International...

And suddenly, we find ourselves *within* the image, within the film. Of course, it’s important to remember that Godard’s director Jerzy is Polish and this is 1981, the year of Solidarnost, that he’s torn between two countries, two women, two con(tra)ceptions of film, that he penetrates Isabelle with the montage with El Greco’s “Assumption of the Virgin”, from behind. This penetration is the only intimacy, the only available movement of love that satisfies her request “not to leave any trace”. Although we will only understand its message after watching it two or three times, “Passion” tells us of multiplicity and of love’s revolutionary destruction of sameness, speaking a stuttered language, a language “in between” or “apart”.

Again Deleuze: “‘And’ is neither one nor the other; it is always in between the two as their border; there is always a line of flight or flow, but it remains unseen because it is barely accesible to perception. It is on this line of flight that events will take form; it is here that the revolution will grow.”²

(Footnotes)
¹ Gilles Deleuze, *Three Questions on “Six Times Two” (Godard) In: Negotations*, translated by V.Yu Bystrov. Saint-Petersburg, “Nauka”, 2004.
² Gilles Deleuze, *ibid.*, p. 64-5.

Ларс Банг Ларсен | Анти-иммунизация

Последним революционным моментом был 1968 год – мутация западного мира, вызванная сочетанием экономического бума и сопротивления молодежи истеблишменту. Власть патриархального общества над желанием и обществом была низвергнута, ценности были отправлены в свободное плавание, а искусство и политика слились в конвульсивном синергическом эффекте. Все вещи повисли в воздухе, и различные культурные сферы были выпущены на волю, но взаимосвязаны при помощи некого резерва, позволявшего им взаимодействовать друг с другом.

Эта свободная игра революционных сил в то же время демонстрировала изуродованное пространство перехода между старыми и новыми формами поведения. Взрыв декады был симптоматичен для цивилизации, которую волновал вопрос, что делать со своим достатком и новыми технологиями кибернетики, автоматизации и способов проведения сводобного времени. Коммерческий мир обнаружил, что наложения культурных сфер друг на друга могли быть использованы, и их синергия могла прорезонировать с различными вариантами и способами проведения жизни. Знания, почерпнутые в 1968 году, доказали, что стало возможно получать кайф, зарабатывать деньги и выражать себя – одновременно! По мере того, как подъем охватывал все более широкие аспекты современной жизни, психоделическая революция все в большей степени включала в себя парадоксы и сомнительные связи. Она либерализовала идеи и модели поведения, но она также вымостила дорогу для образов как промышленного товара. Другими словами, общественные контроль развился в более утонченную, газообразную форму.

Для культурных революционеров 60-х годов, наркотики были мощным способом выразить свое недовольство, и даже существовало мнение, что наркотики обладали некими внутренними, присущими только им, революционными качествами. С тех пор наркотики отразились на восприятии практически каждого – даже тех, кто их никогда не употреблял – но по разным причинам они также потеряли свое значение как оружия направленного против истеблишмента . Наркотики сыграли свою роль в творческих, прогрессивных и сенсорных средах и моделях восприятия, однако в результате оказалось, что их наилучшее применение – стимул для начала вечеринки, но не революции.

Самые модные наркотики среди американских тинэйджеров сейчас – антидепрессанты и препараты, направленные на снятие страха, тревоги и беспокойства. Таблетки «счастья» на наркотической сцене представляют собой абсолютно противоположное направление - «путешествие в другую сторону» - по сравнению с «прогрессивными» наркотиками – они не «сносят крышу», а приносят утешение и успокоение. За последние годы вызов наркотиков сместился с «освободи свое сознание» 60-х годов к добровольному ограничению возможностей органов чувств, которое, возможно, насколько же логично сейчас насколько расширение чувственного восприятия было тогда: иммунизируй свое сознание.

Очевидно, что психоделия с точки зрения критической рациональности, может быть легко подвергнута критике. Какой же урок психоделической революции мы можем применить сейчас, какой способ мышления? Психоделия продолжает развиваться, она живо отличается живыми реакциями и напоминает вирус, приспосабливаясь к

новому. Ее сопротивление никогда не станет рационализированным в статических условиях или концепциях. В тончайших волокнах реальности существует постоянное движение, состояние готовности, психо-кинетикка.

Эта мерцающая вездесущность клеток и нервных систем – очаг сопротивления. Именно галлюциогенная революция имеет своей целью превратить недостаток рационального в мире в нечто продуктивное. Она позволяет всем вещам и телам существовать самим по себе, независимо друг от друга, но настаивает на необходимости видеть их в одном и том же месте в один и тот же момент времени. Не существует ни первых, ни последних вещей – существуют лишь эксперименты, изобретения, множество и интенсивность.

Сегодня, стратегии власти против нежелательных фантазий заключаются в том, чтобы заставить подданных и граждан иммунизировать себя через вещи, которые мы потребляем и те способы, которыми мы дисциплинируем себя. Для того чтобы увеличить напряжение во внутреннем, ментальном пространстве, надо противодействовать стагнации и вытеснению во внешнее, социальное пространство... репрезентация становится фрагментированной и экстатической, распространяясь до точки риска распада, так как она оказывается открытой и всегда происходит внутри процессов развивающихся социальных пространств. Для того чтобы заняться реконструкцией способов группового бытия, либерализующие репрезентации должны быть раздроблены, они должны учитывать одновременно происходящие в мире события, а также траектории и истории их переплетений.

Jonathan Flatley | Scattered notes on resistance and revolution

First, it seems to make sense to say something about what I take the terms “resistance” and “revolution” to mean. Of course, as terms or concepts, both have been hopelessly appropriated by advertising, especially the term “revolution”. In the U.S. at least, every purchase signals a revolution. Think of the transformed life you could have with a thinner waist or faster car or cuter ass or whiter smile or larger television or high speed internet access or a washing machine, etc. So this has to be taken into account in any analysis.

Also, it should be noted, perhaps it is taken for granted, that what follows is neither argument nor scholarship. It is more of a “what I happen to be thinking about the current topic at the present moment.” I make no claims for its originality or rigor. That said, I take revolution to mean the actual overturning of the government and transformation of the society as a whole. This is possible and it happens. The French Revolution and the Bolshevik Revolution are the two obvious and most theorized and discussed examples. However, we might also consider – as Marx himself does, in the *Communist Manifesto* –the industrial “revolution,” i.e. capitalism itself as a revolutionary force, a constantly revolutionary force, and the bourgeois as the first revolutionary heroic class. There is a more specific kind of revolution, though, which is what people most often mean, I think, when they speak of the revolution in a political context today, and it suggests that “the people” or persons or the multitude or whatever problematic term one wants to use are in fact the agential forces of the transformation of the government and society. Revolution in this sense is necessarily collective.

In this context, I do have a few subjective axiomatic notions about what a revolution would be or look like. I think of a moment when, all of a sudden, a collective will emerges and what it is that must be done becomes clear. We must all rush to the White House to defend it, for example. This would occur if and only when there is a collision between the material conditions of existence as it is experienced (something which is in itself not knowable and only becomes clear as a second order phenomenon, the real, History, whatever we want to call it) and an articulated set of concepts, a narrative or what Walter Benjamin called a “thought-image” that is capable of shedding a new light on the historical situation. Affects and emotions that were previously nascent or unclear or simply repressed emerge in such a context, and when one realizes that these emotions are shared, are not just some private, hidden set of feelings, this gives one an enormous sense of power and burst of energy.

Along such lines, I also follow Benjamin in thinking that revolution is necessarily melancholic – that is, it is motivated by and through the losses that linger and the hope of redeeming them. The revolutionary therefore must continually mine the past for the images that would resurface in the present to make it appear anew, make it seem possible not even necessarily to recover our losses, but to finally feel the emotions that we feel about them. Revising Marx in *The 18th Brumaire*, Benjamin points out that collective political action is almost always preoccupied with an image from the past which provides a motivating, rallying point. (This is in “On the Concept of History.”) He writes of the French revolutionaries acting the part of Romans. Experientially, for Benjamin a revolution in this sense is also likely to be surprising, or more nearly will be like the taste of the *madeleine* was for Proust: surprisingly familiar. Indeed, at moments Benjamin makes explicit the connection between the Proustian *memoire involontaire* and revolutionary temporality; he refers to the dialectical image, the key to him for stimulating an revolutionary consciousness – as the thought-image which can turn the past into part of humanity’s involuntary memory. There is no necessary political alignment to this melancholic structure, however. So, for example, one might think, in a more reactionary context, about the images of old churches sacked long ago that motivates the Serbians in their efforts to cleanse some city

or other or non-serbs. Alternatively, images and particularly the songs of slavery were key galvanizing points for the civil rights movement of the 1950s and 1960s, and in fact American music as a whole – blues, jazz, rock and roll, hip hop – is all rooted in the songs of African slaves. This may help explain why this musical tradition has been turned to time and again for meeting places and rallying cries in the American (but not only American) tradition of collective political resistance from below. The image of enslaved ancestors not liberated grandchildren, Benjamin insists, is what motivates people to revolutionize. The future is too abstract , too lacking in emotional heft to really motivate anyone. Whereas our experiences of losses of various kinds textures our emotional lives nearly *tout court*.

Thus, as far as I am concerned, the first problem with creating a revolution is not one of hitting upon the correct critique or a true understanding of the nature of our oppression. We all know how fucked up everything is. A better theory of it might only make us more depressed. The problem is linking up a critique of things as they are with a mood or a structure of feeling that enables us to not be depressed about it. Its about creating an emotional investment in the life that we all share and our material conditions of existence and being convinced and *feeling* not so much that change is *possible*, but feeling an overwhelming emotional investment in the possibility of change, regardless of its actual or seeming possibility. This emotional investment has to feel urgent, compelling, and also pleasurable, rewarding, interesting. For this reason, any articulation of the current circumstances that would work in mobilizing people would have to address the emotional life of people as it exists right now: the song on everyone’s tongue, the TVshow you make sure you are home in time to watch, the new dress you’ve been eyeing, the way you identify with your sports team, your *toska* for lost loves or relatives, the anger you feel at the bureaucrat who through whimsy has just added 5 hours of work to your day. In such places lie the source of revolutionary affect. Which is to say that mass, consumer culture trades on precisely this desire to redeem the past. It too has a melancholic logic. *Umri toska chitay mk*. If one is looking for where unmet, nascent, ready-to-be articulated political emotions exist, then one must look these days to mass culture. It is the only form that currently exists that already has created mass consciousness, and indeed, perhaps for the first time, even a global consciousness. (See my notes on the global spectacle for a more developed argument along these lines.) Reality TV, the first global TV genre, seems especially important to consider in this context.

So finally then let me say a couple things about resistance. Unlike revolution, resistance happens all the time. *Par* Foucault, wherever there is power there is resistance. It is not always successful in changing anything, and it is often singular. We all find our ways to resist domination, sometimes they are private and personal – swearing under our breath, gossiping, keeping a private personal space which is impervious to the shocks of the outside world – other times they are collective, such as the aforementioned songs of the African-American slaves. In prisons, schools, armies, shopping malls, movie theaters and so on, we all develop varying levels of resistance within the logic and strategies that impose themselves on us. Foucault notes, for example, that as soon as the term “homosexuality” was invented in oder to pathologize a certain kind of behavior and create a new set of institutionalized normalities which affected everyone, the very term and category – “homosexuality” was immediately turned around and used as an organizing point, as the basis for political and social movements. (This is in *the History Of Sexuality*, Vol. 1.) Foucault notes that big revolutionary paradigm shifts are rare, but ubiquitous are the “mobile and transitory points of resistance, producing cleavages in a society that shift about, fracturing unities and effecting regroupings, furrowing across individuals themselves, cutting them up and remolding them, marking off irreducible regions in them, in their bodies and minds. Just as the network of power ends by forming a dense web that passes through apparatuses and

institutions, without being exactly localized in them, so too the swarm of points of resistance traverses social stratifications and individual unities. And it is doubtless the strategic codification of these points of resistance that makes a revolution possible.” (96, H of S, english version, I have the french too, if that helps.) This is not a bad description of the current situation, I think. The strategic codification that Foucault speaks of here would have to travel along the lines of the emotionally resonant thought-images of which Benjamin speaks to be successful. They would also have to be strategic in the sense of accurately understanding how the tactics of power actually work and how they could be disrupted. Stalin, for example, appears to have been so successful in consolidating his power after Lenin’s death, not only because he understood how to manipulate peoples fears and desires, but also because he understood the importance of the party bureaucracy – if he could control this, he could effectively dominate the nation and society as whole. Resistance would have to be cunning and knowledgable in this way as well to succeed. As Foucault also notes, Machiavelli may remain the best guide here.

Most recently, the organized protests against the American domination of globalization, what we might call the movement for a democratic globalization, with protests in Seattle (in the US already famous) and elsewhere, seems to hold the most promise. (However, the emergence of the rhetoric of terrorism poses a real challenge to this movement.) And I take Hardt and Negri to be basically correct in saying that we are moving towards a moment where it is possible to say that around the world there is a newly shared form of alienation and connection, alienation from the new forms of biopower, taking place in the modes of desire that emerge in relation to consumer objects, international bureaucracies, and mass culture. (Regarding bipower: Look at the sports clubs emerging in Moscow! I could never have imagined. To be sure, so far an elite desire, but still.) The task of intellectuals these days, I think, is to mine the past and the everyday life of the present in order to find the elements of a new global consciousness, to find thought images that will motivate and electrify people across national boundaries. If the television executives and Hollywood producers can do it, then so can we. Nationalism is the greatest danger at this point, and it is on the rise, not only in Russia but in America too, since it offers the nearest and most convenient thought-image that can give people a sense of emotional direction in relation to the material conditions of our existence. And perhaps I am mistaken, but it is difficult to imagine, given the global nature of the economy and of the forms of bipower to which we are subject, that nationalism will not simply be an easy way for the oligarchs (and I include Bush here for sure, and Putin as well, for surely he is the biggest oligarch in the strict sense of the term, though perhaps we should speak of a monarch here) to mask the source of their domination and manipulate the situation to their advantage.

Олег Аронсон | Бунт ненасилия

Революция невозможна. В современную эпоху новых медийных технологий, революция в ее традиционном понимании невозможна. Кино и телевидение мобилизуют массы людей куда более эффективно, нежели любая «революционная ситуация». Не надо забывать, что само понимание «революционной ситуации» есть часть партийной риторики, призванной мобилизовать массу, сделать из нее фиктивного субъекта исторического процесса. И постоянный вопрос о том, кто же, в конце концов, главное действующее лицо в революции – массы или партии – ложный вопрос, вводящий диалектику там, где для нее уже не должно быть места. Романтическое очарование революцией, вовлеченность в коллективное действие оказывается одним из инструментов политической борьбы, где партия оказывается крайне консервативным прагматическим институтом. Попытки перепоручить революционную миссию автономным группам или сообществам понятны, но все же неявно предполагают прежнюю «романтическую» модель политического действия, модель социального «события». Такой образ революции произведен буржуазной эпохой с ее культом нового, с ее ценностями свободы и равенства. Он сохраняется до сих пор даже в самых радикальных формах протеста. *Спротивление всего лишь возможно.* Обращение к фигуре сопротивления есть один из моментов неосознанного принятия того факта, что революция невозможна. Если революция ориентирована на успех, на победу, то сопротивление уже не подразумевает ни то, ни другое. Это, скорее, рефлексивное действие, сохраняющее за индивидом или общностью возможность критического высказывания, пусть даже оно и не может ничего изменить. При этом «эффективность сопротивления» оказывается не то что не имеющим смысла словосочетанием, но тем, что противоречит самому духу сопротивления – в мире тотальной эффективности быть неэффективным и даже не эффективным. Сопротивление возможно только как слабое, ибо в качестве активно действующей силы оно моментально используется властными механизмами политики и рынка, становится еще одним из «эффективных» инструментов. В этом смысле всякое политическое сопротивление сегодня нужно только самой политике. Риторике революции, классовой борьбы, борьбы за права и свободы, давно освоены капиталом, и отмечают собой уже контролируемые зоны человеческой активности. Все это введено в нужные рамки, а искренние и наивные активисты – будь то диссиденты, антиглобалисты, троцкисты и многие прочие, выходящие под давно знакомыми

лозунгами на площади, оказываются лишь одним из элементов системы, функционирование которой без них выглядит уже не достаточно либерально. Образ сопротивления существующему порядку формирует критическую позицию в отношении любого возможного проявления власти. Однако «критическая позиция» сохраняет зависимость от власти, пусть и через фигуру отрицания. Если революция – борьба за власть, то сопротивление – бесконечная борьба с властью, несмотря на бесконечные поражения в этой борьбе. *Бунт реален.* Итак, революция невозможна, поскольку она всегда борьба за власть, а сопротивление – возможность построения субъективности, одалживаемая властью. Какова альтернатива? Я назову ее словом «бунт». Но не тот бунт, который автоматически ассоциируется либо с началом революционного движения, или с протестом, а бунт как актуализация жизненных сил. Это не политическое мероприятие и не индивидуальное действие. Бунт аполитичен и неиндивидуален. Он не борьба, не противостояние, а аффект и экссесс. Экссесс жизни в мире, где даже мысль и чувственность захвачены капиталом. В отличие от революции и сопротивления, бунт не имеет образа. Это чистое позитивное действие справедливости самой жизни, проходящее через наши тела, через коммуникацию тел. Бунт всегда не актуален. Он направлен не на изменение мира, он не репрезентирует собой никакие ценностные установки, а только обнажает зону жизни, в которой любые ценности оказываются неуместны. Он находится в зоне анонимной общности, не имеет никакой цели, никакого образа, кроме того, который придется ему разнообразными политиками *post factum*, а потому сегодня бунт смещается в те зоны, куда политика либо еще не пришла, или где она обнажает свое все свои властные инстинкты (создатели вирусов и хакеры в интернете, музыкальные hardcore-группы и отдельные художественные объединения, а также влюбленные, бомжи и террористы в мире «тотального благополучия»). В нем нет ни борьбы, ни отрицания, можно даже сказать, что бунт, при всей своей возможной агрессивности, - торжество ненасилия. Это ответ любой политике со стороны самой жизни, мобилизующей виртуальные общности. И не случайно мир медиа-образов – одно из основных пространств этого анархического действия. Энергия бунта – то, что заставляет нас находиться в режиме сопротивления, сочувствовать революционным проектам, а порой и участвовать в них, даже если мы понимаем всю их ложность и иллюзорность.

Джонатан Флэтли | Разрозненные заметки о сопротивлении и революции

Для начала следует пояснить, в каком значении здесь будут употребляться термины «сопротивление» и «революция». Конечно же, оба они, в качестве терминов или понятий, были беззастенчиво оприходованы рекламой, особенно термин «революция». По крайней мере, в США чуть ли не каждая покупка намекает на некую революцию. Подумайте, как преобразовалась бы Ваша жизнь, будь у вас более тонкая талия, более быстрая машина или более привлекательная задница, белая улыбка или телевизор большего размера, скоростной доступ в интернет или стиральная машина. Это нужно учитывать в нашем анализе. Также следует отметить, - хотя, возможно, это очевидно, - что данный текст не стремится нечто доказать и не является строгим исследованием. Это скорее «мои мысли на данную тему в настоящий момент». На оригинальность или точность я не претендую.

Итак, для меня революция – это, в самом деле, свержение правительства и трансформация общества в целом. Такое вполне возможно, это случается. Французская революция и Большевицкая революция – это два очевидных и наиболее обсуждаемых и теоретически значимых примера. Однако мы также должны учитывать – как делает это сам Маркс в *Манифесте Коммунистической Партии* – что индустриальная «революция», иначе говоря, капитализм сам по себе является революционной силой, непрерывно революционирующей силой, и буржуазия - это первый революционный героический класс. Но чаще всего, говоря о революции в сегодняшнем политическом контексте, имеют в виду особый тип революции, который предполагает, что «народ», или люди, или множество, - тут можно употребить ещё какой-нибудь проблематичный термин, - является движущей силой трансформации правительства и общества. Революция в этом значении является обязательно коллективной.

В этом контексте у меня есть несколько субъективных аксиоматических представлений о том, какой могла бы быть, на что могла бы быть похожей революция. Я думаю о моменте, когда вдруг возникает коллективная воля, и становится ясно, что нужно делать. Например, всем надо бежать защищать Белый Дом. Это может произойти если, и только тогда, когда налицо конфликт между материальными условиями существования, переживаемыми в опыте (что-то, что само по себе не познаваемо и становится очевидным лишь как проявление другого порядка, т.е. реальное, История, как бы мы это не назвали) и артикулируемым набором понятий, нарративом, или тем, что Вальтер Беньямин называл «мыслью-образом», то есть, тем, что способно пролить новый свет на историческую ситуацию. Аффекты и эмоции, которые до этого находились в зародыше, в неартикулированном или же подавленном состоянии, проявляются именно в таком контексте, и когда приходит понимание, что это общие эмоции, а не просто приватный, скрытый набор переживаний, - возникает ощущение огромной силы, прилива энергии.

Следуя этим размышлениям, я также соглашусь с Беньямином в том, что революция обязательно меланхолична – иными словами, она движима вперед невосполненными потерями и надеждой на их искупление. Поэтому революционер должен постоянно рыть ходы в геологических слоях прошлого, чтобы обнаружить там образы, которые способны всплыть в настоящем, чтобы это настоящее предстало в новом свете, чтобы

возникло ощущение, что можно не только вернуть потери, но и, наконец, дать волю эмоциям, связанным с ними. Переосмысляя *18-е Брюмера Луи Бонапарта* Маркса, Беньямин в работе «О понятии Истории» указывает, что коллективное политическое действие почти всегда увлечено образом прошлого, который становится мотивирующим и объединяющим. Так, он пишет о французских революционерах, представляющих себя римлянами.

С точки зрения опыта, революция, по мысли Беньямина, может стать ошеломляющей неожиданностью, чем-то вроде вкуса пирожного «*мадлен*» у Пруста: вещь до удивления знакомой. Действительно, Беньямин порой эксплицирует связь между прустовским произвольным припоминанием и революционной темпоральностью; для него диалектический образ есть ключ к пробуждению революционного сознания – наподобие мысли-образа, которая может преобразовать и включить прошлое в произвольную память человечества. Однако эта меланхолическая структура вовсе не обязательно находит именно такое соответствие в политике. Так например, можно вспомнить, применительно к более реакционной ситуации, об образах давным-давно разграбленных старых церквей, вдохновляющих сербов в их усилиях очистить тот или иной город от не-сербов. Или наоборот, образы рабства и особенно песни рабов оживляли движения за гражданские права в 1950-е – 1960-е годы, были их ключевым элементом, и на самом деле вся американская музыка – блюз, джаз, рок-н-ролл, хип-хоп имеет корни в песнях африканских рабов. Это объясняет, почему это музыкальное наследие постоянно воскресает в местах проведения демонстраций, становясь скандируемым рефреном в американской (и не только американской) традиции коллективного политического сопротивления снизу. Образ поработенных предков несвободных внуков, как утверждает Беньямин, - это то, что побуждает людей революционизироваться. Будущее слишком абстрактно, ему слишком не хватает эмоционального веса, чтобы в самом деле мотивировать кого-либо. Тогда как наш опыт потерь разного рода просто-напросто составляет ткань нашей эмоциональной жизни.

Итак, насколько я это понимаю, самая важная проблема, с которой сталкиваются на пути к революции, это не поиск и счастлиное обнаружение некой правильной критики или верного понимания природы угнетения. Мы знаем, насколько всё запущено. Создание более совершенной теории может только повергнуть нас в ещё большую депрессию. Проблема заключается в том, чтобы сочетать критику вещей как они есть с настроением или структурой чувств, которые позволяют нам не впадать в депрессию. Речь идет об эмоциональном инвестировании в жизнь, которую мы все разделяем, так же, как и материальные условия существования, - и не только об убеждении и *ощущении* того, что изменение *возможно*, но скорее о возникновении чувства всеохватывающего эмоционального вклада в возможность изменения, вне зависимости от его реальной или кажущейся возможности. Этот эмоциональный вклад нужно ощущать не только как безотлагательный, непреодолимый, но также и как приносящий удовольствие, вознаграждающий, интересный. По этой причине, любая артикуляция нынешних обстоятельств, которая сможет мобилизовать людей, будет с необходимостью обращаться к их эмоциональной жизни, такой, какая она есть сейчас, в тех формах, в которых она предстает: песни на родном языке, телевизионные шоу, ради которых мы торопимся вернуться вовремя домой, приглянувшееся новое платье, идентификация со своей спортивной командой, тоска по утраченным возлюбленным или родственникам, злость на бюрократа, который по своей прихоти прибавил к рабочему дню лишние пять часов. Именно в этих местах находится источник революционного аффекта. Иными словами, потребительская культура извлекает выгоду из того же стремления искупить прошлое. У неё та же меланхолическая логика. *Умри тоска, читай МК*. Если мы ищем то место, где существуют зарождающиеся, ждущие артикуляции политические эмоции, в наши дни нужно обращаться к массовой культуре. Это единственная из ныне существующих форм, которой удалось породить массовое сознание, и возможно, впервые в истории, ещё и глобальное сознание. (На эту тему более подробно можно прочитать мои заметки о глобальном зрелище – “Синий диван”, 2002, № 1). В этом контексте, пожалуй, особенно важно рассмотреть риэлти-ТВ, первый глобальный телевизионный жанр.

Наконец, позвольте мне сказать несколько слов о сопротивлении. В отличие от революции, сопротивление постоянно имеет место. Как показал Фуко, где есть власть, там есть и сопротивление. Оно не всегда успешно в своих усилиях что-либо изменить, и

часто представляет собой единичную попытку. Все мы находим пути сопротивления господству. Иногда они бывают совсем частными и личными, например, произнесение бранных слов, сплетни, сохранение частного личного пространства, неприкосновенного для вторжений извне. А иногда они бывают коллективными, как те же песни афро-американских рабов. В тюрьмах, школах, армиях, торговых центрах, кинотеатрах мы все развиваем различные уровни сопротивления, сообразно логике и стратегиям, которые навязывают себя нам. Например, Фуко в первом томе «Истории сексуальности» отмечает, что как только термин «гомосексуальность» был изобретен, чтобы обозначить определенный тип поведения как патологию и создать новый набор институционализированных нормализаций, которые касались всех, как тут же и сам термин «гомосексуальность», и всё, что он в себя включал, был инвертирован и стал использоваться как организующий момент, как фундамент новых политических и социальных движений. Фуко отмечает, что большие революционные парадигмальные сдвиги редки, но повсеместными являются «подвижные и блуждающие точки сопротивления, которые, перемещаясь, вносят в общество расхождения, разбивают единства и вызывают перегруппировки; которые, двигаясь поперек индивидов, перекраивают их и придают им любую форму, очерчивают в них – в их телах и умах – зоны несводимости». И далее: «Подобно тому, как сетка отношений власти в конечном счете образует плотную ткань, которая пронизывает аппараты и институты, в них не локализуясь, точно также роящиеся точки сопротивления пронизывает социальные стратификации и отдельные единства. И несомненно, стратегическая кодификация этих точек сопротивления и делает революцию возможной...» (М.Фуко, «Воля к знанию», М.1996, с.197 – исправленный перевод). Это, как мне думается, неплохое описание современной ситуации. Стратегическая кодификация, о которой говорит здесь Фуко, чтобы быть успешной, должна была бы располагаться по линиям эмоционально резонирующих мыслей-образов, о которых говорил Беньямин. Эти мысли-образы также должны быть стратегическими - в точном смысле понимания того, как в действительности работают тактики власти и как можно сбить их с курса. Сталин, например, был столь успешен в консолидации своей власти после смерти Ленина не только потому, что он понимал как манипулировать людскими страхами и желаниями, но также потому что он осознал значимость партийной бюрократии – что если он сможет взять под контроль её, он сможет эффективно господствовать над нацией и обществом в целом. Сопротивление должно быть в той же мере хитрым и опытным, чтобы быть успешным. Как отмечает Фуко, Макиавелли остается лучшим наставником в этом вопросе.

Недавние организованные протесты против доминирования Америки в процессе глобализации, то, что мы можем назвать движением за демократическую глобализацию, включая знаменитые акции протеста в Сиэтле (США) и в других местах, кажутся многообещающими. (Хотя возникновение риторики терроризма бросает реальный вызов этому движению). Я в целом согласен с Хардтом и Негри в том, что мы движемся к моменту, когда по всему миру возникнут новые формы отчуждения и контакта, отчуждения от новых форм биовласти, берущих начало в модальностях желаний, возникающих по отношению к объектам потребления, международным бюрократиям и массовой культуре. (В отношении биовласти: посмотрите, какие спортивные клубы открываются в Москве! Я бы никогда не мог такого вообразить. Разумеется, сейчас это ответ на желания элиты, но всё же). Задача интеллектуалов в наши дни, я думаю, состоит в том, чтобы исследовать недра прошлого и нашей сегодняшней повседневной жизни, чтобы обнаружить элементы нового глобального сознания, найти мысли-образы, которые будут побуждать людей к действию и заряжать энергией, пересекая национальные границы. Если функционеры телевидения и голливудские продюсеры способны на это, то способны на это и мы.

Наибольшую опасность представляет национализм, а он растет, причем не только в России, но и в Америке, поскольку он предлагает лежащие на поверхности, самые удобные мысли-образы, которые могут эмоционально сориентировать людей определенным образом по отношению к материальным условиям нашего существования. Может быть, я ошибаюсь, но трудно себе представить, учитывая глобальную природу экономики и форм биовласти, которым мы подчиняемся, тут надо говорить скорее о монархе) таким уж простым способом замаскировать источник своего господства и манипулировать ситуацией ради своей выгоды.

Oleg Aronson | The Rebellion of Nonviolence

Revolution is impossible. In the contemporary epoch of new media technologies, revolution in its traditional sense has become impossible. Cinema and television mobilize massive populations far more effectively than any “revolutionary situation”. The notion of the “revolutionary situation” comes from the rhetoric of a party that felt called upon to mobilize the masses as the fictitious subject of the historical process. The question of who plays the role of the revolution’s main protagonist in the end – the masses or the party – can only lead us astray. It introduces dialectics to something that leaves little room for their to-and-fro. The romantic enchantment with revolution or engaged involvement in collective action is one of the weapons of a political struggle in which the party reveals itself as a pragmatic institution of the most conservative type. One can understand attempts to reallocate the revolutionary mission to autonomous groups or communities, but still, all of these attempts still rest tacitly upon the age-old “romantic” model of political action, the model of the social “event”. This image of revolution is actually a product of the epoch of the bourgeoisie and its cult of novelty, its values of freedom and equality. This notion contains even the most radical forms of protest, especially

today. *It is only possible to resist.* Addressing the figure of resistance unconsciously accepts the fact that revolution is impossible. If revolution is geared toward success or victory, resistance implies neither the one or the other. Instead, it is a reflexive movement, preserving the right of the individual or the community to make a critical statement, even if this statement is incapable of changing anything at all. As a consequence, “the effectiveness of resistance” is not a word-combination with any meaning, but is that which actually contradicts the spirit of resistance, which is to be ineffective or even without effect in a world of total efficiency. Resistance is only possible as weakness. As an active force, it momentarily falls prey to the mechanisms of market politics, becoming one of their “effective” instruments. In this sense, the only one who really needs political resistance are mainstream politics themselves. The rhetoric of revolution, class-struggle, human rights, and freedom have long been appropriated by capitalism. They form a sphere of human activity that is already under control. All of their actions are framed properly, so that both genuine and naive activists, be they dissidents, anti-globalists, Trotskyites or whatever, go out into the street

carrying the same signs and slogans as always. They appear as yet another element of the system, whose function would not seem liberal enough without their presence. The notion of resistance to the existing order of things forms a critical position in relation to any possible show of force. However, this “critical position” retains its dependence on power, even if this dependence consists in the figure of negation. If revolution is the struggle for power, resistance is a war with power, waged forever, despite all the endless defeats. *Rebellion is more likely.* Revolution is impossible, because it is always a struggle for power, but resistance is the possibility for constructing a subjectivity borrowed from power itself. So what are the alternatives? I would sum them up under the word of “rebellion”. But this isn’t the rebellion that is automatically associated with the beginning of a revolutionary movement, nor is it protest, but rebellion as an activation of the forces of life. This is neither a political occasion, nor is it an individual action. Rebellion is apolitical and anonymous. It is neither struggle nor opposition, but affectation and excess. An excessive life in a world where even thoughts and feelings are under capitalist control. Unlike revolution and resistance, rebellion is not connected to any particular notion

or image. Instead, it is the purely positive action of life’s own justice, carried out through our communicative bodies. Rebellion is always out of currency. It is not aimed at changing the world, and does not represent any attitudes of value, but lays bare a zone of life in which any and all values seem out of place. Rebellion is located in a zone of anonymous sociality, and has no goal and no notion, except the one which it is ascribed by the politicians post factum. But rebellion often occurs on those zones which politics have either not reached yet or where they lay open all of their power instincts (makers of viruses and hackers on the internet, hardcore bands and some artistic groups, just like lovers, bums, and terrorists in a world of “total prosperity”). There is no struggle and no negation in rebellion; one might even say that rebellion – notwithstanding all of its possible aggressions – is the triumph of nonviolence. This is the answer to any political form, an answer that comes from life itself, mobilizing virtual socialities. And it’s no coincidence that the world of media-images is one of the main spaces of this anarchic activity. The energy of rebellion is what forces us into the regime of resistance; it is what forces our sympathy for revolutionary projects, and to even take part in them, even if we understand them as falsehoods and illusions.

Оксана Тимофеева | Революция, ой, ой, ой! /// из троцкистских “кричалок” на митинге

Один из самых трагичных эпизодов в мировой истории сопротивления произошел задолго до нас – он был описан Софоклом. Оракул предсказал несчастье царской чете: сын должен убить отца и жениться на матери. Чтобы избежать воли богов, ребенка обрekli и на смерть. Он выжил и в молодости, узнав от оракула злую волю, покинул приемных родителей, которых считал своими. Всем известно, что произошло потом. До сих пор стоит перед глазами сцена: на перепутье кружится Эдип, в слепом отчаянии выбирая дорогу, которая увела бы его прочь. Всецело во власти судьбы, он хочет ее обмануть, сопротивляясь ей, но своими действиями помогает свершиться жестокой и далекой от представлений о справедливости, равно как и о свободе, воле богов. Со времен Софокла здесь мало что изменилось, разве что условия возможности – воспроизводства мифа. Место рока греческой трагедии и «воли богов» занял капитал, нависшая над нами серая тень денежной массы, которая, случись ей обрушиться, погребла бы под собой целый мир. Мы можем бесконечно сопротивляться этой воле, в том случае, если признаем, что таковая вообще есть. Самим своим существованием, постольку, поскольку мы его признаем, она вынуждает нас сопротивляться – находясь целиком внутри ее логики. Революция – не реактивное сопротивление (капиталу как судьбе), не простое отрицание, а насильственная, произвольная, позитивная акция, учреждающая новый мир, иную судьбу, иную волю. И это действие пренебрегает принципом реальности, так что представляет собой серьезный риск, без каких бы то ни было гарантий сохранить все как есть. Сохранить как есть – неосознанный мотив сопротивления (глобальному капиталу, например), отбрасывающее или глубоко вытесняющее мысль о революции. Ее идеал превращающее в какой-то зыбкий, недостижимый горизонт. Критика «резистантного дискурса», которую

я предлагаю, носит имманентный характер (по крайней мере, это не суждение свысока, не о-суждение и не жесткое отрицание). Я сама по мере сил участвую и буду участвовать в производстве и воспроизводстве этого дискурса, но это не значит, что он не нуждается в критике. Средства его производства должны в свою очередь сами революционизироваться, чтобы не превратиться в ой-ой-ой. Время от времени необходимо освобождать их от кавычек всепонимающей условности. Революции, прежде всего, происходят в философии, в науке, в языке. В какой-то момент меняется оптика - и все, мир уже выглядит иначе. (Не таковым ли был переход от евклидовой к геометрии лобачевского?). Революции в языке, особенно в философии, реально изменяют мир. Однако «резистантный дискурс» возникает и развивается внутри капиталистического мира, и его существование доступно нам через оптику этого мира: никто не свободен от товарно-денежных отношений, как греки не свободны от воли богов. Революция начинается с изменения оптики – через минуту мы и не вспомним, что было как-то иначе. И прошлое, и будущее окажется мифом, как сейчас представляется: прошлое – мифом о богах, а будущее – коммунистическим мифом. Коммунистическая революция основывается на полном непризнании «воли богов», со всеми ее «запретами на инцест» и, соответственно, принуждением к нарушению запретов, равно как и к сопротивлению этому принуждению. Ибо только по установлению «злой воли» (капитала) мечта человека о счастье и свободе принимает уродливые перверсивные формы, в которых отныне она заявляет о себе: стремление к гармоничному обществу подменяется натурализацией преступления (как если бы человек «по природе» был зол, а «судьбой» Эдипа было убийство и инцест). Поэтому о революции, даже среди левых, говорить оказывается неприлично, нескромно, неприятно, не легитимно. Сопротивление глобальному капиталу есть

одновременно сопротивление революции: в терминах психоанализа противоположность не означает противоречия. Фрейд был поражен, столкнувшись с тем, что больной «оказывает ожесточенное, упорное сопротивление» «врачу в интересах своей болезни». Однако, по его словам, «любой, кто пригласил зубного врача при нестерпимой зубной боли, будет отталкивать его руку, когда он захочет приблизиться к больному зубу с щипцами». Ошибкой современного сопротивления является его направленность на борьбу против симптомов, но не против самой болезни – левое движение ставит себя в тупик, пытаясь отстоять в мире капитала более комфортные условия подчинения. Оно вытесняет идею революционного захвата власти в трансцендентное. Вольная отсылка к психоаналитической теории дает возможность продемонстрировать изнанку левого движения, его вытесненного Другого, который выглядит не самым приятным образом, и дать ему высказаться: “Ведь мы понимаем, что если, гипотетически, революция все-таки произойдет, БУДЕТ ЕЩЕ ХУЖЕ. Поэтому нашими действиями мы постараемся сделать немного лучше ЭТОТ мир, вместо того чтобы разрушить его на и лишиться всего, что у нас есть”. Непроговариваемым «резистантного дискурса» является представление о действительной революции как о полном крахе (тогда как она сохраняется в качестве идеала) и, соответственно, подсознательное стремление избежать ее, отвоеывая в этом мире некоторые социальные гарантии. Участники левого сопротивления мало-помалу включаются во вполне капиталистическую борьбу за овладение новыми рынками для своего все более утонченного и интеллектуального «левого» продукта, осваивают бизнес-стратегии,

вытесняя своих конкурентов, разобщаясь и окончательно удаляясь от идеи тотальной революционной интеграции. Очевидна безнадежность и двусмысленность, с которой мы, идентифицируя себя с сопротивлением, начинаем заикаться, когда речь заходит о революции, как если бы в реальности она не могла иметь места, как если бы она была негацией и хаосом. Насколько наша позиция задана чуждыми условиями, создающими какую-то когнитивную брешь, в которую революция как бы проваливается, оставляя нас один на один с пустым и тщетным сопротивлением? Под сопротивлением Фрейд понимал «установки Я, которые пускаются в ход для борьбы с изменениями, к которым мы стремимся». В случае современных левых это тем более справедливо, что сопротивляющееся Я уже представляет собой продукт буржуазной системы, как Я больного, являющееся продуктом болезни, как Я Эдипа, производное от воли богов (ты – тот, кто совершит преступление). Капитализм, конечно, сам растит себе могильщика, но беда в том, что могильщик рискует провалиться в собой же вырытую яму. Капитал призывает нас в качестве элементов сопротивления в интересах своего же воспроизводства, взамен предоставляя нам удобное чувство собственной исключительности и возможности действовать дальше, чтобы на уровне системы все оставалось без изменений. Батай критиковал капитализм за его totalmente производительный и накопительный характер – через пару десятилетий тот стал потребительским, ассимилировав роскошную трату и сделав ее частью производства и накопления. Майки с СССР и Че Геварой – тоже своего рода одомашненный резистанс: насмешка над всеми нами, сухой остаток радостного нарциссизма «сопротивления без революции». Негласный левый договор, в соответствии с которым о революции не может быть и речи – фальшивый документ, нам следовало бы от него отказаться.

Oxana Timofeeva | Revolution, oy, oy, oy! /// Trotskyite meeting chant

One of the most tragic episodes in the history of resistance took place long before our time. It was described by Sophocles. The royal couple, condemned by oracular prophecy: the son will kill his father and marry his mother. To evade the will of the gods, they put the infant to death. But he survived. In his youth, he too visited the oracle, which revealed the will of the gods as the true source of his identity. Of course, he had to leave his foster parents, which he thought to be his own up until the oracle’s revelation. Everyone knows what happened next. Until, the scene is vivid: Oepidus stands at the crossroads, trying desperately to choose the path that leads away. Even though he is under fate’s control completely, he still wants to hoodwink providence somehow, to resist, but his actions only help to seal his brutal fate, which has very little to do with anything like justice or freedom. Very little has changed since Sophocles’ time, excepting the conditions of possibility under which the myth is produced. The place once occupied by fate in the Greek tragedy, by the “will of the gods”, has now been taken by capital, which casts a grey shadow of monetary mass over us all. Should it collapse, it would bury the entire world under its ruins. We can resist this will eternally if we admit that it exists at all. Its very existence, insofar as we recognize that it exists, forces us to resist – bound up in its logic completely. Revolution is not reactive resistance (to capital as fate); it is not simply negation, but a violent, arbitrary, positive action that constitutes a new world, a different fate, another will. This action defies the principle of reality, since it presents a serious risk: there is no guarantee that anything will ever be the same. To keep the things the way they are is the unconscious motive of resistance (to global capital, for an example), either discarding or deeply repressing any idea of revolution, whose ideal is transformed into some vague, unreachable horizon. The critique of the “resistant discourse” that I am suggesting has an immanent character. (At least, there is no judgement from above, no de-nunciation, no rigid negation). I myself take part and will continue to take part in producing and reproducing this discourse, but this does not mean that it is not in need of criticism. The means of production have to be revolutionized, in order to avoid their transformation into an “oy, oy, oy”. From time to time, it is necessary to liberate these means of production from these all-encompassing quotation marks and their conventions of benevolent understanding. Above all else, the revolution happens in philosophy, in science, in language. At some point, their optics change definitively, and that’s it, the world already looks like a completely different place.

(Wasn’t this, for an example, the case with the transition for Euclidian geometry to the geometry of Lobachevsky?) Revolution in language, especially in philosophy, really does change the world. Yet at the same time, “resistant discourse” arises and develops within the world of capitalism, whose existence only comes into view through its specific certain optics: no one can live outside of its commodity-money relations; like the Greeks, we are bound to the will of the gods. The revolution begins with a radical change in these optics: within a second, we don’t even remember that things were different before the change occurred. Both the past and the future turn out to be myths: the past is a myth of the gods, while the future is the myth of communism. The Communist revolution is founded up a complete disavowal of the “will of the gods”, with all of its “incest taboos” and the consequent pressure toward breaking the prohibitions, as well as the resistance toward this pressure, since it takes the institution of this “divine will” (capital) to change the human dream of happiness and freedom into a form that is monstrous and perverse, which claims the following: working toward a society in harmony is replaced by the naturalization of crime (as if humanity were wicked, and Oedipus was “fated” to incest and murder). This is why it is indecent, unpleasant and illegitimate to talk about revolution, even among intellectuals from the Left.

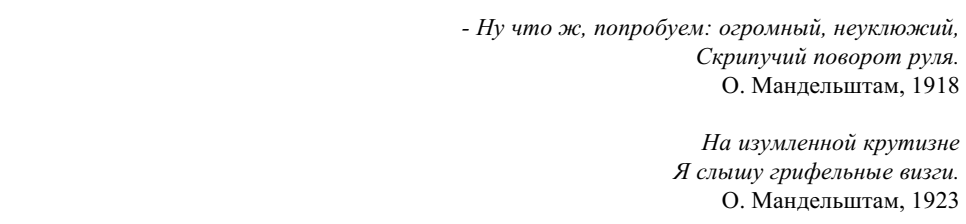
Resistance to global capitalism is simultaneously resistance to revolution. To put it in psychoanalytical terms, opposition does not mean contradiction. Freud was surprised to discover that “the patient puts up bitter, persistent resistance [...] to the doctor in the interests of his illness”. “One may have called the dentist because of an intolerable toothache, but one will still push away his hand when it comes closer to the inflamed tooth with his pliers.” Contemporary resistance mistakenly struggle against the symptom, rather than the illness itself – by standing up for better, more comfortable conditions of subordination, the Left maneuvers itself into a dead-end. It represses the idea of a revolutionary power take-over into something transcendent. The associative reference to the theory of psychoanalysis provides us with the possibility for turning the Left inside out, in order to reveal its repressed Other, a rather unpleasant figure, who voice should be heard. “You see, we understand that if hypothetically revolution takes place after all, IT WILL ONLY BE WORSE.

This is why we attempt to slightly improve THIS world, instead of destroying it and losing what we have.” The unspoken truth of “resistant discourse” is the idea of a real revolution as a complete collapse (even when it still exists as an ideal), and, correspondingly, the subconscious urge to avoid it at any cost by gaining a few social guarantees in this world. The participants in resistance from the Left slowly but surely join the capitalist fray for new markets for their increasingly utopian and intellectualized intellectual products, applying business-strategies to neutralize their competitors, disassociating themselves and finally departing completely from the idea of total revolutionary integration. Having identified ourselves through resistance, we begin to stutter with what is obviously hopelessness and ambiguity when we talk about revolution, as if in reality it couldn’t be anything but negation and chaos. In how far does our position respond to worsening conditions by opening a cognitive breach, in which revolution can appear, leaving us face to face with the emptiness and vanity of resistance? Freud understood resistance as “an aggregate of the self, set into motion in order to fight against change”. In the case of the contemporary Left, this is all the more justified, since the resistant self already represents a product of the bourgeois system, a pathological self, a product of illness, the Oedipal self, produced by the will of the gods (you are who is destined to commit a crime!). Needless to say, capitalism is bringing up its own gravediggers, but the problem is that these gravediggers are always at risk of falling into the pit they were just digging. Capitalism calls upon us to participate in its reproduction as resistant elements, rewarding us with the feeling of our own uniqueness and with the possibility of continuing to act without ever actually changing anything on a systemic level. Bataille criticized capitalism for the total character of its productions and accumulations. In the three last decades, this characterization has shifted toward consumerism, assimilating the luxury of conspicuous consumption and making it part of the productive-accumulative process. Wearing a t-shirt with “СССР” or Ché Guevara could also be understood as a cultivated form of resistance: it ridicules all of us as a dry remainder of the joyous narcissism in “resisting without revolution”. The unspoken contract of the Left, according to which we can never really even speak of revolution, is a false document that we should refuse to follow.

I'm mad as hell
- and I can't take
it anymore!

У меня едет крыша
- и я не могу больше говорить об этом

copenhagenfreeuniversity.dk

Ночь. Просторная комната. По радио “Ретро” передают вальс. Входят двое, кружась в танце.

Оксана: Ты сопротивляешься мне!
Давид: Я не сопротивляюсь, а веду тебя в танце! Если бы я ослабил руки, мы бы упали!
Оксана: Тогда теперь держи крепче! *(Делает пируэт).*

Оксана: И вообще, надоело это твое сопротивление. Разве ты не понимаешь, что это просто алиби буржуазного субъекта! Его “сопротивление” поддерживает режим! Власти нужно, чтобы ей кто-то сопротивлялся, это придает ей веры в себя!
Давид: Ты права, конечно. Но то же, в альтюссеровском духе, можно сказать и о революции. Буржуазный субъект только и слышит, что о необходимости быть активным, инициативным, менять свою жизнь, начинать ее заново. На этом ловят его и делают вечным романтическим юнцом.
Оксана: Но надо ведь идти дальше!

Давид: Конечно, сопротивление нуждается в противнике, до поры до времени. Но вот сравни ситуацию на Западе и у нас.
Оксана: Same shit.
Давид: Да, и у нас, и на Западе, люди разочарованы в политике, а политики в них не нуждаются. Но на Западе сейчас сильнее сопротивление авторитаризму, которое его хоть как-то умеряет. У нас же в последние годы правительство безнаказанно переходит все новые грани подавления, сохраняя субъекту (и то не каждому) только его частную собственность. Понимаешь, пока дойдет дело до революции, тебя просто раздавят. А сопротивление, хотя оно, конечно, поддерживает государство, производит в то же время политическую субъективность. Сопротивление есть незаменимый способ политического воспитания.

Оксана: Согласна. Но эта традиция сопротивления происходит из опыта уже случившейся революции.
Давид: Это какой же?
Оксана: Ну, последняя была в 68м.

Давид: Но ведь и у нас была только что революция, пусть чисто отрицательная и ни к чему не приведшая! И раньше, в 17м!
Оксана: Что ж, правда - поэтому и у нас есть скрытый потенциал сопротивления. Наш человек привык тихо саботировать власть, и эта энергия саботажа только выросла в анархические 90е. Но проблема в том, что наш человек сопротивляется так сильно, что ненавидит, вместе с репрессивной властью, любую солидарность и любую публичность.
Давид: Он сопротивляется сопротивлению, наш милый мещанин или интеллигент.

Оксана: Ну так может и уничтожить обоих к чертям собачьим, чем преодолевать их сопротивление?
Давид: Это, конечно, вариант. Но что ты будешь делать дальше?
Оксана: Вести за собой массы! Но сначала, боюсь, выдавливать из себя самой интеллигентку. И из тебя.

Давид: После революции, общество обычно застывает в позиционной войне, сталкиваясь с собственной изнанкой.
Оксана: И мы возвращаемся к тому, с чего начали – к сопротивлению.
Давид *(приглашает партнершу сделать пируэт):* Пошли на новый круг.

(Оксана отдаляется от партнера, отгибается назад, но не рассчитывает и падает. Давид падает следом. Окружающие визжат от ужаса и смеха. Оба быстро встанут).

Оксана: Если событие революции порождает структуры взаимного сопротивления, то не вырастает ли каким-нибудь способом и сама она из сопротивления?
Давид: Можно сказать, что революция наступает, когда вдруг убирают силу, которой ты сопротивлялся. Возьмем ту же недавнюю пертурбацию у нас в России. Общество тихо сопротивлялось власти, и они существовали в симбиозе. Но власть (в лице Горбачева) вдруг решила ослабить свой гнет и мобилизовать творческие силы общества.
Оксана: Но получилось мобилизовать его негативные силы – то стойкое сопротивление, которое, когда стало нечему сопротивляться, привело к революционному взрыву.

Оксана: Вообще, революция, конечно, отрицает статус кво. Но это не значит, что она отодвигает его в сторону и изобретает что-то с нуля, из ничего. Если вдуматься, революция соблазняет меня своей энергией уничтожения, растраты.
Давид: -Которая, заметь, действует довольно долгое время, а значит не уничтожает сразу и до конца...
Оксана: Но переходит в энергию созидания.

Давид: Возможно, сама по себе революция, в отличие от простого уничтожения или созидания, это именно разворот, вираж, который внезапно превращает сопротивление во взятие власти, уничтожение в созидание и обратно. Так, в те же горбачевские времена, не какие-то невиданные институты, а простаивавшие 70 лет замшелые Советы стали внезапно органом мобилизации и власти масс. Просто что-то произошло, и они поменяли свое значение с точностью до наоборот.
Оксана: Утопии, которые столь часто представляют нам, пусть аллегорически, цель революции, устроены, как правило, по принципу карнавального переворота. Последние станут первыми, кухарка будет управлять государством, право станет природным, а народ сувереном. Все эти перевертыши уже “реализованы” в современных “демократиях”, но они остаются только застывшими образами свободы, которая требует постоянных переворотов.
Давид: Изгнанник в безбрежном океане ищет новых невиданных островов, но видит в них перевернутое отражение родины, от которой он бежит. И люди ходят там на головах.

Оксана: Итак, революционер – это не просто стойкий и тупой герой.
Давид: Но и не просто романтический разрушитель.
Оксана: Он все переворачивает вверх дном, пытаясь найти в собственной, настоящей, а не в чьей-то чужой будущей жизни свободу и правду.

Давид: Но мы совсем забыли про сопротивление. Ты когданибудь видела, как поворачивает мотоцикл на большой скорости?
Оксана: С визгом.
Давид: То же и с революциями: они не проходят гладко.

Оксана: Ты имеешь в виду, что революция истерична?
Давид: Не только – я имею в виду, что она, кроме героического и трагического разворота, предполагает всякие некрасивые вещи: суету, разнос, паралич.
Оксана: То есть сопротивление материала. Ты опять поворачиваешь?

Давид: Да, хотя чувствуется уже усталость. Так вот – я договорю – революция, будь она постоянной круговертью первых и последних, быстро надоедала бы и не приводила бы ни к чему. В ней есть что-то еще. Это что-то – в самом длительном событии поворота, которое происходит со скрипом или с визгом торможения. Скрип и визг – сопротивление повороту, или сопротивление поворота – навсегда остаются в опыте как сухой, неуничтожимый остаток круговращения. Из этого опыта вырастает субъект, который может начинать что-то необратимо новое.
Оксана: Но кому и чему сопротивляется это сопротивление? Революции? Колесу фортуны? Циркуляции капитала? Мы сопротивляемся, или уже нам? Наверное, здесь мы имеем дело с сопротивлением беспредметным – мы нашли его в чистом виде.
Давид: Это чистое сопротивление и есть чистая революция. Революция как необратимость обращения. Визжащий след события, которое торит кривые пути политического творчества.

Оксана: Кстати, музыка уже давно смолкла. Послушай – тихо.
Давид: Давай покружимся немного еще.
Оксана: Давай.

*Well, so let’s try: enormous and awkward
the screeching turn of the steering wheel...*
Ossip Mandestam, 1918

*On the astonished downward slope,
I hear the slates a-screaming.*
Ossip Mandelstam, 1923

Night. A spacious room. “Retro Radio” plays a waltz.
A dancing couple enters, turning.

Oxana: You’re resisting me!
David: I’m not resisting, I’m leading you! If I loosen my hold,
we will fall!
Oxana: So hold on tight! (Does a pirouette).

Oxana: And anyway, I’m sick of your resistance. Don’t you
get it: it’s no more than the bourgeois subject’s alibi! His
“resistance” supports the regime! The Powers that Be need
some one to resist! It makes them believe in themselves!
David: You’re right, in a way. But one could also say the same
of the revolution, in an Althusserian vein. As soon as bourgeois
subject hears is the call to be active, to take an initiative, to
change his life, to start anew, he is caught in the act and
exposed as an eternal romantic youth.
Oxana: But we still need to go further!

David: Of course, resistance requires an opponent, it’s always
been that way. Just compare the situation in the West and the
situation here.
Oxana: Same shit, different place.
David: Yes, and both here and in the West, people are
disappointed in politics, while politics doesn’t even need them
at all. But in the West, the resistance to authoritarianism is
much stronger, which moderates its force at least somewhat.
Here, in recent years, the government crosses all of the
boundaries of oppression unchecked, preserving nothing but
the (privileged) subect’s property. You see, you will simply be
crushed long before the revolution ever comes. But resistance,
even if it tacitly supports the state, also produces political
subjectivity. Resistance, in other words, is an irreplaceable
means of political education.

Oxana: OK, I can agree with that. Except that the tradition of
resistance was formed by the experience of a revolution
already ocured.
David: And which one might that be?
Oxana: Well, the last one was 68.

David: But we had our own revolution right here, even if it
was purely negative and didn’t lead to much of anything! And
what about the one before that, in 1917?
Oxana: Yeah, that’s true, and that’s why we have the hidden
potential for resisting. People around here are accustomed to
sabotaging the state. This sabotageaurial energy has only grown
throughout the anarchic 1990s. But the problem is that people
here resist so much that they hate any kind of solidarity or
publicity along with the repressive state.
David: They are resisting resistance. The dear petit
bourgeoisie: all a bunch of high-brows.

Oxana: So maybe we should destroy the both of them and
send them to hell, instead of overcoming their resistance?
David: That might be a possibility. But what will you do
then?
Oxana: Lead the masses! But first, I’m afraid I’ll have to
squeeze the high-brow out of myself and of you, I’m afraid.

David: After a revolution, society usually cools down in a war
of position and is confronted with its own inversion, its
Thermidore.
Oxana: Which brings us back to where we started – to
resistance.
David (*invites his partner to do another pirouette*): Let’s turn
another round.

*(Oxana pulls away from her partner and leans back, but loses
her balance and falls. David falls after here. The onlookers
squeel with horror and laughter. Both of them quickly rise.)*

Oxana: If the event of revolution generates structures of
mutual resistance, doesn’t it grow out of resistance itself?
David: You could say that the revolution has occurred when
the power that you were resisting is finally gone. Let’s take,
for an example, the recent upheaval here in Russia. Society
quietly resisted the state; both existed in symbiosis. But the
state (with Gorbachev as its face) suddenly decided to loosen
its grip and to mobilize society’s creative potential.
Oxana: But they were also successful in unleashing its
negative energy –unyielding resistance led to a revolutionary
explosion, once there was nothing left for it to resist.

Oxana: By the way, revolution negates the status-quo. But
this doesn’t mean that it pushes it aside or reinvents it from
scratch, from nothing. If I think about it, revolution seduces me
with the destructive energy that it expends.
David: Which actually acts for quite a long time and means
that nothing is destroyed once and for all or forever..
Oxana: ...but turns into creative energy.

David: Maybe revolution, in and of itself, as opposed to
simple destruction or creation, is a sharp turn, which suddenly
turns resistance into the will to take power, transforming
destruction into creation and vice versa. So, during the
Gorbachev-era, it wasn’t some hidden institution like the CIA
but the wormeaten Coucils (=Soviets) that became organs for
the mobilization and power of the masses, after standing idle
for 70 years. But something happened along the way; by now,
their meaning has become exactly the opposite of what it once
was.
Oxana: The goal of revolution, so they say, is utopia, even if
this utopia is simply an allegory. This allegory is built
according to the principles of a carnival take-over. The last
become the first; the kitchen-maid takes hold of the
government, law is naturalized, and the people become
superstitious. All of these absurd inversions have already been
“realized” in contemporary “democracy”, but they are no more
than frozen images of freedom, which necessitates permanent
upheaval.
David: On the shoreless ocean, the outcast searches for
invisible islands but only finds inverted reflections of his

home, from which he is running. Even if people walk on their
hands over there...

Oxana: So the revolutionary isn’t just a dumb, stalwart hero.
David: But also not simply a romantic destroyer.
Oxana: He turns everything upside down, trying to find truth
and freedom in his own, real life, instead of somebody else’s
future.

David: But we’ve forgotten all about resistance. Have you
ever seen a motorcycle go into a sharp turn at high speed?
Oxana: With a squeel.
David: It’s the same thing with revolutions. They never go
smoothly.

Oxana: You mean that revolution is hysterical?
David: Not only. I also mean that revolution does not only
imply the heroism and tragedy of an uprising, but all kinds of
ugly things: chaos, overspeeding, paralysis.
Oxana: The resistance of the material, in other words. Are
you turning again?

David: Yes, even if I already feel a little tired. So just let me
finish. Even if the revolution is a continual circulatory flow of
the first and last, we would grow sick of it quite quickly if it
didn’t lead to anything. There is something more to revolution.
This something is also a part of the turn-around’s longest
event, which happens with a screech or a squeel of the brakes.
Screeching and squeeling, resisting the turn, or the resistance
of the turn: this moment always inscribes itself into memory
as a dry, indestructable remainder of the turn. This experience
produces the subject, which can begin with something
irrevocably new.
Oxana: But who or is this reistance actually resisting?
Revolution? The wheels of fate? The circulation of capital? Are
we resisting, or are they resisting us? We are probably dealing
with abstract resistance – we’ve probably found it in its purest
form.
David: This pure resistance is also pure revolution. Revolution
as a turn, a facing that cannot be undone. The squeeling trace of
the event, which burns curving track-marks along the paths of
political creativity.

Oxana: By the way, the music ended long ago. Listen, it’s so
quiet.
David: Let’s take another turn anyway.
Oxana: OK.

Публикация №6 - Идея и реализация: рабочая группа “Что делать?” | publication №6 - idea and realisation: workgroup “What is to be done?”

Издание осуществлено в рамках фестивалей | This publication was realized in the framework of the festivals: Nordic & Russian Poetry, Art & Film Event “SWINGING WITH NEIGHBOURS” in Stockholm 17-23rd of August, 2004 and «ART KLJAZMA» festival, Moscow ///фестиваля современного искусства на открытом воздухе «АРТ КЛЯЗЬМА»

Издание было осуществлено при поддержке | This publication was realized with the generous financial support: отдела культуры посольства Швеции в Москве // The Cultural department of the Embassy of Sweden in Moscow | фестиваля современного искусства АРТ КЛЯЗЬМА /// ART KLJAZMA festival

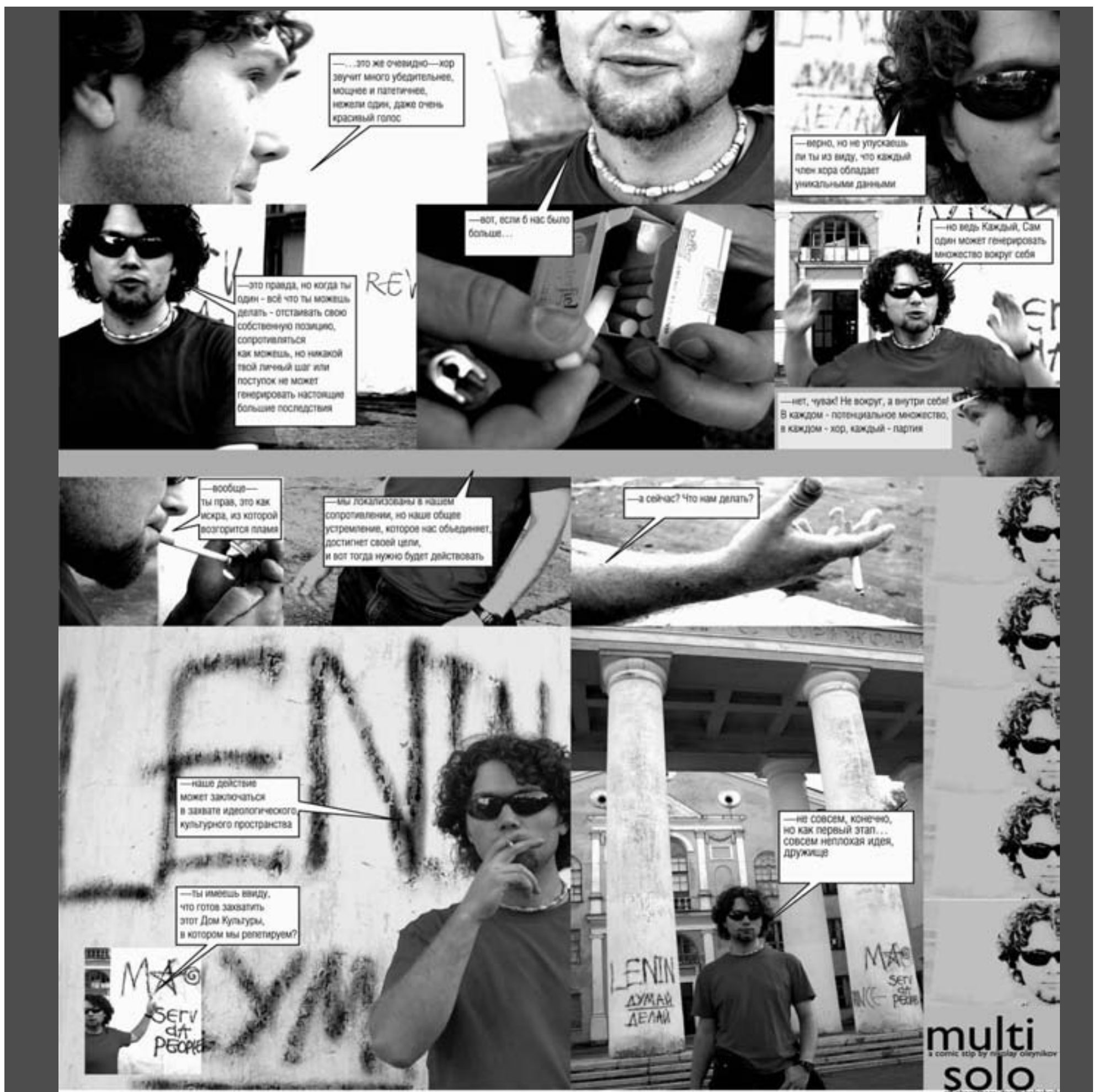
Редакторы | editors: Давид Рифф и Дмитрий Виленский | David Riff and Dmitry Vilensky
Графика | Artwork and Layout: Дмитрий Виленский и Цапля | Dmitry Vilensky and Tsaplya
Комикс | Comics: Николай Олейников | Nikolai Oleinikov

www.chtodelat.org

Состав рабочей группы “Что делать?” ///
The members of the workgroup “Chto delat?” includes:
Дмитрий Виленский | Dmitry Vilensky
Глюкля (Наталья Першина) | Gluklya /Natalya Pershina/
Артём Магун | Artem Magun
Николай Олейников | Nikolay Oleynikov
Алексей Пензин | Alexey Penzin
Давид Рифф | David Riff
Александр Скидан | Alexander Skidan
Оксана Тимофеева | Oxana Timofeeva
Цапля (Ольга Егорова) | Tsaplya /Olga Egorova/
contact: info@chtodelat.org /// dvil@surfeu.de

Выражаем глубокую признательность всем авторам откликнувшимся на наш вопрос
We would like to express our heartfelt thanks to all authors for answering our question with
so much energy and engagement
**В оформлении использованы кадры из фильма |The publication is illustrated by stills
from** Week-End, (1967) by Jean-Luc Godard /Жан-Люка Годара/ , 1967
Перевод | Translations:
Давид Рифф | David Riff: Russian-English, German-English
Александр Скидан, Артем Магун, Соня Чуйкина, Наталья Яценко, Ангелина Давыдова | Sonja Tchouikina
Alexander Skidan, Artem Magun, Natalja Jatsenko, Angelina Davidova: English - Russian
Особая благодарность | Special thanks to: Карлу Дикеру и Пауле фон Сетх | Paula von Seth and Carl Dieker ///
Елене Петровской | Helen Petrovsky /// Ольге Лопуховой | Olga Lopuchova

copyleft

- It's obvious: a choir sounds much more convincing, more powerful and more pathetic than any one voice alone, even if that voice is very beautiful... ...That's true, but aren't you forgetting about all the unique talents that each of the choir's singers brings to the group?
- Maybe, but when you're alone, just about the only thing you can do is to defend your own position, resisting to the last. The thing is that none of your personal struggles will bring on any major change... ...But each of us could form the seed for a new multitude, which could then grow around us...
- No, dude! Not around, but within you! Each of us contains a potential multitude, a choir, a political party!
- Yeah, I guess you're right. It's like spark and tinder catching flame...
- We may be localized in our resistance, but the common efforts that unite us will lead us to our goal eventually. Then, we will have to act.
- And now? What should we do now?
- We can take control of the space of ideology and culture...
- You mean that you want to storm and occupy the Culture Center where we rehearse?
- Not really, but for starters... it's not such a bad idea, buddy!!!